Великие битвы
Великой Отечественной

Сергей Алексеев

# ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА
# ПОБЕДА!

1945

Великие битвы Великой Отечественной

Сергей Алексеев

# Взятие Берлина. Победа! 1945

Издательство «Детская литература»
1975

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Алексеев С. П.**

Взятие Берлина. Победа! 1945 / С. П. Алексеев — Издательство «Детская литература», 1975 — (Великие битвы Великой Отечественной)

ISBN 978-5-08-005361-0

Автор – известный детский писатель, участник Великой Отечественной войны (1941–1945) – рассказывает школьникам о ее главных битвах. Шесть книг серии описывают подвиг нашего народа в освобождении родной страны и Европы от фашистских захватчиков. Шестая книга серии посвящена взятию Берлина и победе над фашизмом (1945).Издается к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005361-0

© Алексеев С. П., 1975
© Издательство «Детская литература», 1975

# Содержание


| | |
|---|---|
| Взятие Берлина. Победа! 1945 | 7 |
| Москва. Ставка Верховного Главнокомандующего | 9 |
| Ночь. Три часа по берлинскому времени | 11 |
| Дымы | 13 |
| Под Штеттином | 15 |
| Зееловские высоты | 17 |
| «Охрана фюрера» | 19 |
| Пустое место | 21 |
| На Берлин идут машины | 23 |
| Хофакер | 25 |
| Танклерист | 27 |
| На трубе | 29 |
| Живые зонтики | 31 |
| Из Англии? из Америки? | 33 |
| Олени | 36 |
| Разрешите доложить | 38 |
| «Ах!» | 40 |
| Смерть комиссара | 42 |
| Штурмом осилят небо | 44 |
| В имперской канцелярии | 46 |
| «Мы в Берлине!» | 48 |
| Каждая улица дышит смертью | 50 |
| Случай с Павловцевым | 52 |
| Достучался | 54 |
| Майоры | 56 |
| «Данке шён!» | 58 |
| Йозеф Клаус | 60 |
| «За Можай!» | 61 |
| Мерещится | 63 |
| Белкин | 65 |
| Три автомата | 67 |
| Роковая встреча | 69 |
| Плечом к плечу | 71 |
| Намечено и начертано | 73 |
| Бронзой поднялся в небо | 75 |
| Топор своего дорубится | 78 |
| Центральное направление | 80 |
| Золу развеял… рассеял гарь | 82 |
| Последние метры война считает | 84 |
| Победа | 86 |

# Сергей Алексеев
# Взятие Берлина. Победа!
# 1945: рассказы для детей

Великая Отечественная война 1941–1945

Книги серии:
★ Московская битва. 1941—1942
★ Сталинградское сражение. 1942—1943
★ Оборона Севастополя. 1941–1943 Сражение за Кавказ. 1942—1944
★ Подвиг Ленинграда. 1941—1944
★ Победа под Курском. 1943 Изгнание фашистов. 1943—1944
★ Взятие Берлина. Победа! 1945
Художник **А. Лурье**

Оформление серии **Е. Валерьяновой, Т. Яковлевой**

# Взятие Берлина. Победа! 1945

Медаль
«За взятие Берлина»

Шел 1945 год. Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков приближалась к концу.

Разгромив фашистов на территории Советского Союза, советские войска протянули руку помощи порабощенным странам Европы. Они принесли свободу Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии. Вели бои за освобождение Чехословакии и Югославии.

Весной 1945 года советские войска подошли к столице фашистской Германии городу Берлину. 16 апреля 1945 года началась последняя из грандиозных битв Великой Отечественной войны – битва за Берлин. Об этой битве и написаны рассказы, вошедшие в эту книгу.

# Москва. Ставка Верховного Главнокомандующего

1 апреля 1945 года в Ставку Верховного Главнокомандующего были вызваны Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев. Оба они командовали в то время фронтами, которые ближе других подошли к Берлину.

Просторный кабинет. Большой зал. За столом члены Государственного Комитета Обороны и Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин.

Посмотрел Сталин на Жукова, на Конева:

– Садитесь, товарищи. Вопрос о Берлине.

И тут же товарищ Сталин стал задавать маршалам вопрос за вопросом. В каком состоянии войска? Степень их готовности к большим сражениям? Сколько дней понадобится для их окончательной подготовки? Что нужно для успеха в боях за взятие Берлина? Когда можно начать Берлинскую операцию? В какие сроки закончить: можно ли за 12–15 дней? Как настроение самих командующих?

– Ваше мнение, товарищ Конев? – спросил товарищ Сталин.

– Войска 1-го Украинского фронта, – ответил Конев, он как раз командовал этим фронтом, – готовы в ближайшие дни произвести всю необходимую подготовку, готовы к штурму обороны противника на Берлинском направлении. В нужные сроки, товарищ Сталин, уложимся.

– Ваше мнение, товарищ Жуков? – повернулся Сталин к маршалу Жукову.

– К штурму готовы, товарищ Сталин, – ответил Жуков.

На этом заседании маршалам Жукову и Коневу было поручено внести свои добавления и замечания к плану Берлинской операции и через день снова доложить Ставке.

Прошел день, и вот маршалы снова в кабинете у товарища Сталина.

– Слушаю вас, товарищи.

Доложили маршалы свои соображения. Ставка рассмотрела и утвердила план наступления на Берлин.

Вот этот план.

Прорыв фашистской обороны на Берлинском направлении осуществляют три фронта: 1-й Белорусский, им командует маршал Жуков, 1-й Украинский во главе с маршалом Коневым, 2-й Белорусский под командованием маршала Рокоссовского.

Основной прорыв на Берлин производят войска маршала Жукова. Армии маршала Конева действуют южнее 1-го Белорусского фронта. Войска маршала Рокоссовского – севернее.

– Ну как, все ясно? – спросил у маршалов товарищ Сталин.

– Все ясно, товарищ Сталин, – ответили маршалы.

– Вот и отлично. Вот и всё, товарищи. Желаю успехов, – сказал Верховный Главнокомандующий.

# Ночь. Три часа по берлинскому времени

16 апреля. Ночь. Три часа по берлинскому времени. Неожиданно мощный огненный шквал обрушился на фашистскую оборону. Это 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Жукова начал прорыв на Берлин.

Укрылось, прижалось к земле все живое. Молчит, не отвечает фашистская артиллерия. Да и где тут ответить, тут голову трудно поднять, рукой, ногой, даже пальцем и то шевельнуть опасно.

Прижался вместе со всеми к земле и солдат Рушке. Лежит гадает.

Что такое? Ночь. Три часа по берлинскому времени. И вдруг артиллерийский обстрел. Будет прорыв?! Но какой же прорыв ночью? Как идти в темноте в атаку? Как справятся танки? Они-то и днем почти ничего не видят. Как будет стрелять полевая артиллерия? А как в атаку пойдут солдаты? Как?

Силится, но не в состоянии ничего понять Рушке. Может быть, русские так – попугать решили. Может, спутали просто время.

Ничего не могут понять и другие. В недоумении генералы.

А артиллерия бьет и бьет. Загадочное что-то затеяли русские.

30 минут длился ураганный, испепеляющий все огонь. Но вот так же неожиданно как он начался, так и оборвался огненный шквал. Замерло все. Затихло. Тишина над позициями.

Высунулись из-за своих укрытий уцелевшие фашистские солдаты. Высунулись офицеры. Высунулись генералы. Смотрят.

Что случилось, поначалу никто не понял. В глаза фашистам вдруг ударили, брызнули, ослепили десятки невиданных солнц.

Закрыли глаза фашисты. Что такое?! Снова открыли. Светло впереди, как днем. «Что такое?» – в недоумении Рушке. Свет шел, жег, пепелил глаза. Забегали страшные тени. «Что же случилось?» – гадает Рушке.

Так и не понял солдат. Не узнал. Ударил в этот момент снаряд. Не осталось даже пятна от Рушке.

Сообразили наконец фашисты – так это же прожекторы!

Да, это были мощные советские прожекторы. На многие километры протянулись они вдоль линии фронта, И вот теперь, вспыхнув все разом, ночь превратили в день.

Слепит неприятеля свет, бьет фашистам в глаза.

Помогает свет нашим войскам. Освещает дорогу танкистам, помогает артиллеристам, пехотинцам и всем другим.

В растерянности фашисты. Да-а, не бывало еще такого!

Катится на них несокрушимо победный вал.

А в воздух уже поднялись, уже гудят советские самолеты. Довершают они удар. Невиданной силы удар! Невиданной дерзости!

# Дымы

Прорывают войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова фашистский фронт.

И в это время чуть южнее прорывают фашистскую оборону войска 1-го Украинского фронта, которым командует маршал Конев.

Но если войска Жукова прорывали фронт ночью, ослепив фашистов светом прожекторов, то у маршала Конева все обстоит иначе, и даже наоборот.

Здесь линия фронта проходит по реке Нейсе. Чтобы прорвать гитлеровскую оборону, надо перейти Нейсе. Надо ее форсировать. Реку в минуту не перейдешь. Необходимо навести переправы, мосты. Дело это сложное, небыстрое. Незаметно для противника не создашь переправы. Поэтому не свет тут нужен, а нужна темнота.

– Есть темнота, – доложили маршалу летчики.

– Есть темнота, – доложили инженерные части.

Поднялись в небо советские самолеты. Вышли к берегу Нейсе инженерные роты. Поставили они над Нейсе дымовую завесу. Укрыли дымы и Нейсе, и наш и неприятельский берег. Ясно фашистам: готовятся русские к наступлению. Но где, в каком месте? Когда?

Фронт перед войсками маршала Конева широкий – 390 километров. Вот и гадай, в каком месте начнется прорыв, где наводят мосты, куда подгоняют плоты и лодки?

Заметались фашисты. В напряжении гитлеровские генералы. Разослали вдоль всего фронта посыльных. Торопят с донесениями.

Звонят они на первый участок:

– Что там у вас?

Отвечают с участка:

– Дым и дым крутом.

Звонят на другой участок фронта:

– Что там у вас? Как противник? Что видно?

– Ничего не видно. Кругом дымы.

Соединяются с третьим участком:

– Как обстановка? Как ведут себя русские? Доложите, что видите.

– Видим дымы.

– Дымы, – доложили с четвертого участка.

– Дымы, – доложили с пятого.

«Дымы, дымы, дымы…» – идут сообщения с шестого, седьмого… десятого.

Погода тихая, безветренная. Воздух почти не движется. Дым не колышется. Висят над Нейсе дымы, укрывают советские части.

Мечутся фашистские генералы, гадают, в каком же месте советские войска начнут атаку, где наводят они переправы, откуда ждать появления русских. Где сосредоточить главные силы. Будь прокляты эти дымы!

Подготовились советские части к прорыву. Но прежде и здесь началась мощная артиллерийская атака. Час сорок минут стреляли, не умолкая, пушки. Затем войска бросились форсировать Нейсе. Затем снова сорок пять минут содрогалась земля от выстрелов. Это была помощь тем, кто уже переправился на западный берег Нейсе.

Помогли дымы. Только в месте главного прорыва наши войска навели 133 переправы.

Рванулись советские войска вперед. У фашистов было три полосы обороны.

Не устояла первая полоса – рухнула.

Не устояла вторая полоса обороны – пала.

Прорвали войска маршала Конева третью оборонительную полосу.

Позади фашистская оборона. Проплывают дымы над Нейсе.

# Под Штеттином

Войска маршала Рокоссовского – 2-й Белорусский фронт – не должны были идти на Берлин. Они лишь помогали армиям Жукова, прикрывали их правый фланг. Главная задача Рокоссовского – нанести удар по фашистам севернее Берлина и идти дальше на запад навстречу наступающим с запада американцам и англичанам.

У каждого из советских маршалов был свой план наступления. Маршал Жуков начал прорыв ночью, ослепив противника светом прожекторов. Маршал Конев, наоборот, приказал поставить дымовую завесу.

Был свой план и у маршала Рокоссовского. Стал он сосредоточивать войска у города Штеттина. Движутся сюда дивизии.

Зорко следят за тем, что делается в наших войсках, фашисты. Ведут разведку.

Идут к Штеттину колонны советских войск. Видят – в небе появился фашистский самолет-разведчик. Хороший разведчик у фашистов. И с виду он необычный – два фюзеляжа у самолета. Когда смотришь с земли, кажется, летит в воздухе рама. «Рама» – так и называли фашистский самолет-разведчик наши бойцы.

Закружила над советскими войсками «рама». Высматривает, засекает, куда движутся войска, фотографирует.

– Что же нет истребителей? – заволновались солдаты.

Но вот появились в небе три советских истребителя. Довольны солдаты. Попалась «рама». Будут щепки сейчас от «рамы». Но что такое? Проходят истребители мимо.

– Эх вы, слепые, горе-соколы! – кричат солдаты. – Да вот же она, вот же, левее от вас!

Не видят «раму» советские истребители. Прошли стороной, скрылись за горизонтом.

Двигалась вместе с советскими войсками зенитная установка. Развернули солдаты пушку, решили сами покончить с «рамой». Только развернули, только прицелились, подъехал генерал.

– Отставить! – скомандовал генерал.

Поражаются зенитчики и солдаты.

Вскоре появилась вторая «рама». Вновь приготовили зенитчики пушку, и снова команда:

– Отставить!

«Что такое?» – разводят руками солдаты.

Докладывают фашистские разведчики гитлеровским генералам:

– К Штеттину движутся советские войска.

Хорошо действуют фашистские разведчики. Не только докладывают, что движутся советские войска, но и уточняют, сколько их и какие части идут:

– Три танковых корпуса.

– Две общевойсковые армии.

– Очень много переправочных средств. (Рядом со Штеттином протекает широкая река Одер.)

Все ясно фашистским генералам. Вот где маршал Рокоссовский начнет прорыв – тут на Одере, возле Штеттина.

Собрали фашистские генералы поспешно с других участков фронта сюда войска. Приготовились. Ждут удара маршала Рокоссовского.

И Рокоссовский ударил. Только не тут. Не у Штеттина. А намного южнее Штеттина, там, где вовсе его не ждали.

Движение же войск под Штеттин – это был всего-навсего обманный маневр.

Прорвали войска 2-го Белорусского фронта оборону фашистов. Стремительным шагом пошли вперед.

# Зееловские высоты

Прошли при свете мощных советских прожекторов войска маршала Жукова первую оборонительную полосу противника. Поднялись перед ними Зееловские высоты.

Зееловские высоты – укрепленный район на пути к Берлину. Местность здесь возвышенная, всхолмленная, удобная для обороны. С той стороны, откуда наступают советские войска, у высот крутые скаты. Они изрезаны траншеями и окопами. Перед ними глубокий противотанковый ров. Кругом минные поля и огневые точки противника. Зееловские высоты – вторая полоса гитлеровской обороны.

Бросилась советская пехота на штурм высот. Не осилила обороны противника. Рванулись в атаку танки. Не смогли прорваться на новый рубеж. Целый день до глубокой ночи и даже ночью атаковали советские части Зееловские высоты. Крепко их держат враги. Безуспешны наши атаки. День не принес удачи. Не сломила фашистов ночь.

«Замком Берлина» назвали фашисты Зееловские высоты. Крепко держат здесь оборону. Понимают – тут, на этих высотах, решается судьба Берлина.

Атакуют советские части фашистов. В разгар сражения над атакующими войсками появился советский самолет. Самолет как самолет. Не обратили бы солдаты на него особого внимания. Только вдруг стал самолет кружить над нашими частями. Покружил, покружил, помахал крылом, затем от него что-то отделилось. Тут же раскрылся парашют. Видят солдаты: что-то спускается. Что – не поймешь. Ясно одно – не человек.

Спустился парашют ниже. Видят солдаты: на стропах – ключ.

Ключ огромный, старинный. Опустился парашют на землю. Подбежали солдаты. Видят: к ключу прикреплена дощечка. На дощечке слова написаны. Читают солдаты: «Гвардейцы-друзья, к победе – вперед! Шлем вам ключ от берлинских ворот!»

– Вот это да!

– Эко ж придумали!

Толпятся солдаты вокруг ключа, каждому глянуть хочется.

Оказалось, что этот ключ сделали и послали своим друзьям-пехотинцам советские летчики.

Ключ был точь-в-точь такой, каким овладели русские войска в 1760 году, когда они уже брали город Берлин.

Понравилась солдатам выдумка летчиков. Поняли пехотинцы намек авиаторов.

– Ну, если есть ключ, разомкнем и замок!

Действительно, на следующий день советские войска овладели Зееловскими высотами.

А еще через день армии маршала Жукова прорвали третью, последнюю оборонительную полосу фашистов.

Впереди за лесами лежал Берлин.

Берлин был рядом. Тем злее фашисты вели бои.

# «Охрана фюрера»

Прорвав оборону фашистов на реке Нейсе, войска маршала Конева начали сокрушительный марш на Берлин. Вперед рвались танки.

«До Берлина 100 километров», – читали советские танкисты путевые указатели утром.

– Осталось 75, – говорили они днем.

Затем замелькало: 60, 55, 50…

И вдруг танки неожиданно свернули на юг от Берлина. У танкистов словно что-то внутри оборвалось: «Неужели обойдем стороной?»

– Да, обойдем, – понимают танкисты.

Отходят танки от Берлина все дальше и дальше.

– Не повезло!

До вечера, до темноты отходили танки.

– Э-эх, прощай, Берлин!

И вдруг!

– Стой! Поворот на север! – прошла команда.

Оказалось, что отход танков на юг от Берлина был всего лишь военным маневром. Нужно было обмануть фашистов, заставить их думать, что танки движутся совсем в другом направлении. Так и решили фашисты.

В темноте, с потушенными огнями танки развернулись на север.

Как вихрь понеслись они вперед, туда, где за дальними перелесками и набухшими от весенней воды ручьями находился фашистский Берлин.

Ушли вперед танковые армии, а в тылу у советских войск под городом Шпрембергом еще оставались фашисты. Они нажимали на правый фланг войск маршала Конева, были хорошо

вооружены и представляли большую угрозу. Здесь в числе других против нас сражалась и танковая дивизия «Охрана фюрера».

Дивизия «Охрана фюрера» была одной из лучших в фашистской Германии. Уже встречались войска маршала Конева с этой дивизией. Было это в первый день прорыва фашистской обороны на реке Нейсе. Немало тогда хлопот доставила нашим войскам эта дивизия.

И вот новая встреча.

Фашистов надо было окружить и уничтожить. И снова в боях солдаты. Сражаются, а сами: «Как там „Охрана фюрера"?»

Бьются солдаты: «Как там „Охрана фюрера"?»

Добились наши войска успеха. Окружили они фашистов. Окружили, зажали в стальное кольцо. Не уйти из кольца фашистам.

Командовал разгромом фашистской группировки генерал Лебеденко.

– Ну, как «Охрана фюрера»? – поинтересовался после сражения маршал Конев.

– Уничтожена, товарищ маршал! – отрапортовал Лебеденко.

– Ну что ж, – сказал Конев, – раз уничтожена охрана фюрера, значит, дело теперь за самим фюрером.

# Пустое место

Быстро наступают наши войска. Битва идет на земле и в небе. Герхард Кюттель, летчик фашистского истребительного флота «Райх», вылетел в составе своей эскадрильи для отражения атаки советских бомбардировщиков на Берлин.

Кюттель в авиационном деле не новичок. Десятки воздушных боев за плечами у Кюттеля. Две фашистские награды – два Железных креста украшают грудь. Старшим летит он в группе. Прижались к командиру другие самолеты.

Одного лишь боятся фашисты – встречи с советскими истребителями.

Чего боялись, то и случилось.

Перехватили фашистов советские истребители.

Завязался короткий, но жаркий бой. Разбиты в бою фашисты. Целым лишь Кюттель один остался.

Возвращается летчик на аэродром. Вот знакомый лесок. Знакомое поле. Быстро идет на посадку. Коснулись колеса бетонной дорожки. Закончил пробег самолет. Развернулся Кюттель. Рулит на стоянку.

Рулит. Смотрит: то и не то – непривычное что-то на аэродроме. Увидел людей он в советской военной форме. Быстро наступали наши. Пока находились фашистские летчики в небе, пока сражались с советскими истребителями, заняли фашистский аэродром советские части.

Не растерялся Кюттель. Быстро нажал на газ. Благополучно поднялся в небо. Пришел в себя. Соображает. Решил он лететь к соседям. Вот и знакомый изгиб шоссе. Вот и знакомый овражек у аэродромного поля. Вот и взлетная полоса. Зашел на посадку Кюттель. Убрал газ. Планирует. Коснулись колеса бетонной дорожки. Сбавляет машина скорость.

Смотрит Кюттель: то и не то. И верно – не то. Открыли с аэродрома стрельбу по Кюттелю. Понимает Кюттель: и здесь уже русские части.

Снова поднялся в воздух. К более дальним летит соседям. Но и эти соседи уже не соседи. И здесь обстреляли Кюттеля. Летал к четвертым, летал и к пятым – всюду один прием. Наступают советские войска. На родной, на немецкой земле нет для Кюттеля больше места.

Что же дальше случилось с Кюттелем?

Неизвестна его судьба. Возможно, зенитные части все же его подбили. Возможно, сдался он нашим в плен. А может, и так: израсходовав весь бензин, где-то на поле бедняга рухнул. Потерялась, короче, его дорога. Был такой летчик – и больше нет. Была эскадрилья – и тоже нет. Нет эскадрильи – пустое место.

Да что эскадрилья, да что там Кюттель! Плачевны дела у фашистов. Полыхает кругом земля. К Берлину идет война.

# На Берлин идут машины

Он стоял на перекрестке – русский труженик-солдат. На Берлин идут машины. У бойца в руках флажок. Взмах флажком:

– Сюда машины!

На Берлин идут машины, танки справа, пушки слева, пушки справа, танки слева. Час идут, второй и третий. Не предвидится конца.

Он стоял на перекрестке. Он смотрел на эту силу. И былое шло на память. Год за годом. Шаг за шагом.

Вот он первый – сорок первый. Год-страдалец. Год-герой. Сколько отдано земель. Сколько отдано друзей. Сколько слез страной пролито. Но и в этот первый год не терял боец надежды. Верил он тогда в победу – быть победе над фашизмом! А сейчас стоит и смотрит: неужели под Берлином?!

Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Мощь идет. Гудят машины. Сотрясается земля.

Год за годом. Шаг за шагом. Сколько горя позади. Гнули, гнули нас фашисты. Всё, казалось, шаг – и всё. Но в минуты те крутые у Москвы, у Сталинграда не терял солдат надежды. Верил он тогда в победу – быть победе над фашизмом!

А сейчас стоит и смотрит. Неужели под Берлином?! Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Шаг один – и ты в Берлине!

Год за годом. Шаг за шагом. Устояли наши в битвах. Вся страна ковала силу. Фронтом был и фронт и тыл. Вся страна ковала силу, и настал момент счастливый – дрогнул враг. И перед силой затрещала, сникла сила.

Отшагало время сроки, отсчитало рубежи. И Перфильев под Берлином.

Вот стоит на перекрестке русский труженик-солдат. Взмах флажком:

– Сюда машины!

На Берлин идут машины. Пушки слева, танки справа. Слева танки, пушки справа. День и ночь шагает сила. Мощь идет. Под весом этим содрогается планета. Мощь идет. Под весом этим прогибается земля.

# Хофакер

Городок их стоял на восток от Берлина. Был он маленький-маленький. Словно игрушечный. Городок с ноготок. Городок-горошина.

Прожил старик Хофакер здесь семьдесят лет. Песчинку любую знает.

Наступают с востока русские. Понимает старик Хофакер: не устоит перед русскими город. Если дунуть на этот город – кажется, он развалится.

И вдруг прибегают к Хофакеру внуки:

– Крепость! Крепость!

– Что такое? – не понял Хофакер.

– Наш город – крепость! – кричат мальчишки. Пришли соседи и тоже про крепость ему сказали. Пришел бургомистр, то есть старший над городом, и тоже сказал про крепость.

– Какая же крепость? – моргает старик глазами. Прожил здесь Хофакер семьдесят лет. Любую песчинку знает.

Развел бургомистр руками:

– Крепость, Хофакер, крепость! – Крикнул: – Хайль Гитлер! Фюреру лучше знать.

Да, таков был приказ фашистов. Все города, которые находились на восток от Берлина, объявили они крепостями. Был строгий приказ: советским войскам не сдаваться. Сражаться всем до последнего, и старикам, и детям.

Приказ есть приказ. Стали готовиться жители к защите родного города. Пришли к Хофакеру. Забирают в солдаты внуков.

И вдруг Хофакер:

– Не дам я внуков.

– Да что ты, старый! Приказ же фюрера!

– Не дам! – уперся старик Хофакер.

Погибли все на войне у Хофакера. Было три сына. Было три зятя. Было – теперь не стало. Весь род как метлой смело. Остались одни лишь внуки.

– Не дам! – прокричал Хофакер.

Оказался старик упрямым. Рядом с городом – русские. Вывесил белый флаг. Посмотрели другие. Прав Хофакер. Зачем же всем погибать напрасно?! Появились белые флаги и на других домах.

Узнали фашисты. Примчались в город. Убили Хофакера. Худо пришлось бы жителям. Да тут подошли советские части. Бежали фашисты.

В Анкламе, в Грейфсвальде, в Фрейбурге, в целом ряде других городов Германии поднялись тогда горожане. Воспротивились они приказам фашистов. Спасли города от гибели.

Погиб Хофакер, а внуки остались. Сохранился их давний род. Выросли внуки. И ныне живут в Германии.

# Танклерист

Капитан Садовский артиллерист. И вдруг в один день, в один час превратился в танкиста артиллерист. Вот как случилось это.

Юго-восточнее Берлина советские войска окружили большую фашистскую группировку. Много фашистских дивизий оказалось в «котле» у наших. Стремились фашисты вырваться из «котла». На одном из участков окружения стали готовить они удар. Собрали сюда артиллерию, пригнали танки, собрали пехоту. Ждут фашисты рассвета, с рассветом и ринутся в бой.

И вот стал пробиваться рассвет. Янтарной полоской прорезалось утро.

Ждут фашисты: будет к атаке сейчас сигнал. Вот приготовились пушки. Готова пехота. Стоят на исходных позициях танки. И вдруг – что такое?! Не дожидаясь команды, один из танков открыл огонь. И не просто огонь. Огонь по своим! Ударил в соседа справа. Ударил в соседа слева. Рванулся вперед. Устремился на фашистские пушки. Подмял одну, подмял вторую. Обрушился на фашистские пулеметы. Рванулся к фашистской пехоте. Молчат пулеметы. Бежит пехота.

Что же случилось? Оказывается, в фашистском танке находился советский офицер капитан Садовский. Служил капитан Садовский в 530-м истребительно-противотанковом полку. Во многих боях отличился уже и до этого капитан. Однако здесь, в эту ночь, подвиг он совершил особенный. Началось все с того, что капитан Садовский и два солдата ушли в разведку.

Осторожно идут разведчики. Ночь. Тишина. Темнота. Привыкают глаза к темноте. Совиной зоркости набираются. Идут разведчики. Вдруг видят: фашистский танк. Рядом у танка сидят фашисты. Ясно разведчикам – танковый экипаж. Сосчитали фашистов – четверо. Наших вместе с Садовским – трое. Однако момент неожиданности на нашей стороне. Значит, здесь не зевай. Значит, здесь поспешай. Будешь ловким – победа будет.

Рванулись, набросились наши разведчики на фашистов. Уничтожили. Захватили фашистский танк.

Дождались наши рассвета в фашистском танке. А утром с рассветом ударили по врагам.

Ушел в разведку пешком Садовский. Вернулся важно, с почетом, в фашистском танке.

– Ушел артиллеристом, пришел танкистом, – шутят над ним друзья.

Танкист-артиллерист, танклерист, – прозвали его солдаты.

Помог капитан Садовский определить нашим войскам то место, где намечался у фашистов прорыв из окружения. Провалился у них прорыв.

За свой подвиг капитан Садовский был удостоен звания Героя Советского Союза.

# На трубе

Армии маршала Конева продолжали идти на Берлин.

Артиллерия вела огонь по сосредоточению фашистов. Место южнее Берлина ровное, лесистое. Ни холма здесь, ни высотки, ни бугорочка. Трудно артиллерийским командирам управлять здесь боем. Наблюдать за тем, как точно ложатся снаряды в цель, вносить поправки и уточнения.

Продвинулись артиллеристы еще чуть вперед и вдруг вышли к заводу. Заводик, правда, маленький. Зато труба высоченная. Посмотрел на трубу генерал Корольков. Взяло его озорство. Детство к тому же вспомнил. Забрался он на трубу. Сидит там, как аист в гнезде. Хорошо на трубе. Далеко видно. Сидит он здесь с телефонной трубкой. Подает вниз по телефону команды. Там, внизу у трубы, оборудован центр управления огнем. Отсюда команды поступают на батареи.

Сидит генерал, увлечен артиллерийским боем.

В это время к артиллеристам приехал командующий фронтом маршал Конев.

Представились офицеры командующему.

– А где же генерал Корольков? – спрашивает маршал.

Смутились офицеры. Не знают, что и ответить. Понимают они, что как-то несолидно генералу сидеть на трубе. Однако что же тут делать, не начнешь же неправду докладывать маршалу.

– Товарищ маршал, на трубе генерал Корольков, – доложили офицеры.

– На трубе?!

– Так точно, товарищ маршал.

Поднял Конев голову – верно, как аист в гнезде, сидит на трубе Корольков.

Взглянул вниз генерал, увидел командующего фронтом. Стал поспешно спускаться вниз. Спустился, представился.

Посмотрел на Королькова Конев, покачал головой:

– И это советский генерал!.. Верхом на трубе!..

– Да я ведь…

Однако Конев прервал:

– По-лейтенантски действуете, товарищ генерал!

Насупился Корольков, обиделся. Хотел было сказать, что ни холма кругом, ни бугра, ни высотки. И вдруг вместо этого:

– Так точно, товарищ маршал, поступаю, как предписано званием – действую по-лейтенантски.

Смутился Конев, не понял, в чем дело. Поднял глаза на генерала. Взглянул невольно и на погоны.

Взглянул. По две больших звезды на погонах у генерала. Был Корольков в военном звании генерал-лейтенанта.

Рассмеялся Конев.

– По генерал-лейтенантски, – поправил.

– Так точно, – соглашается Корольков.

Сказал генерал про звание и тут же тише:

– Товарищ маршал, обстановка заставит – петухом запоешь.

Вновь рассмеялся Конев.

Принял Конев доклад генерала, уехал.

Понравилась маршалу находчивость генерала.

Возвращался Конев в машине в штаб. Вспоминал Королькова. Сидел улыбался. Приехал маршал к себе на командный пункт. Генерала Королькова другим даже в пример поставил.

# Живые зонтики

Журналист Ненароков как-то получил от редакции армейской газеты задание поехать в кавалерийскую часть, ознакомиться с тем, как воюют на фашистской земле советские конники. Прибыл он в кавалерийский корпус, которым командовал генерал-лейтенант Осликовский. Прибыл. Представился.

Повезло Ненарокову.

Как раз в это время у генерала Осликовского был командир одной из кавалерийских дивизий, получал боевое задание. Выслушал командир дивизии задание, спрашивает у Осликовского:

– С зонтиком?

– С зонтиком, – отвечает генерал Осликовский.

Поразился Ненароков. Какие же это зонтики для лошадей? Хотел было спросить у генерала, да неудобно. «Сам увижу», – решил Ненароков.

И вот пошли в атаку советские конники. Быстро, лихо несутся кони. Сверкают, как брызги, на солнце сабли.

Всем хороша кавалерия. Однако есть и слабое место.

С неба она открыта. Опасна для конницы вражеская авиация. Действуют кавалеристы на открытом месте. Вот и легко ее разбомбить, расстрелять с воздуха авиации.

Понимает это и Ненароков. Следит за лихой атакой конников, а сам нет-нет да и посмотрит на небо: не загудят ли, не появятся ли в небе фашистские самолеты.

Хочется ему, чтобы не появились. Чтобы справились четко со своим боевым заданием конники.

С опаской поглядывает Ненароков на небо. И вдруг совершилось то, чего журналист страшился. Заметил вдали он на небе точки. Росли они, росли, увеличивались в размере. Уже видно, что это летят самолеты. Крылья видны, фюзеляжи, моторы. И все громче моторный гул.

– Вот незадача! – ругнулся Ненароков. Зло посмотрел на небо.

Все ближе, ближе подходят самолеты. Ясно Ненарокову, что идут они не просто так, а именно сюда, к коннице.

Знает Ненароков, что сейчас последует. Построятся самолеты в круг, то есть станут по кругу ходить над конницей. Будут ходить по кругу и будут пикировать. Во время пикирования будут стрелять и сбрасывать бомбы.

И вот почти всё так, как и представлял себе Ненароков. Подошли самолеты к тому месту, где на земле находилась конница. Построились над конницей в круг.

Вот сейчас первый войдет в пике. Ждет Ненароков. Ждет. Не входит что-то самолет в пике. Ни первый. Ни второй. Ни третий. Ни те, что следом идут за первым, за вторым и за третьим.

«Что такое?» – поражается Ненароков. Всмотрелся зорче в небо. Вот так болван! Так это ведь наши над конницей самолеты.

Верно, это были советские самолеты. Поднялись в воздух они для того, чтобы сопровождать советскую конницу, защищать ее от фашистов с воздуха. Такое воздушное сопровождение самолетами конницы и называли летчики и кавалеристы подвижным или живым зонтиком.

Удачным был «зонтик». Когда появились наконец в воздухе и фашистские самолеты, набросился на них «зонтик».

Отогнал. Разогнал. Не посыпались бомбы на нашу конницу.

Уезжал журналист из кавалерийской части. Прощался с генералом Осликовским.

– Ну, что вам больше всего понравилось? – спросил генерал Осликовский.

– Стремительная атака советских конников и… «зонтики», – ответил журналист Ненароков.

Нужно сказать, что кавалеристам самолетные «зонтики» тоже очень и очень нравились.

# Из Англии? из Америки?

Движутся и движутся советские войска. Бесконечным потоком шагает техника. С удивлением смотрят немецкие жители на это железное шествие.

Разные ложные слухи распускали о нас фашисты. Внушили они немецким гражданам, что у нашей армии нет хорошего вооружения. А если что и есть, то все это либо из Америки, либо из Англии.

Идут и идут войска. Наиболее смелые и любопытные немцы подходят к советским бойцам, задают им вопросы.

Как раз проходили танки.

Подходят жители, спрашивают:

– Из Америки?

– Что-что? – поразились танкисты.

– Из Америки? – переспросили жители.

– Нет, – отвечают танкисты.

– Из Англии?

Рассмеялись танкисты:

– Да нет же. Из Советского Союза. – И уточняют: – С Урала.

Поражаются жители. Косо, недоверчиво на советских солдат смотрят.

Прошли танки, движется артиллерия. Смотрят жители на грозные пушки, обращаются к артиллеристам:

– Американские?

– Что-что? – не понимают артиллеристы.

– Американские? – повторяют жители.

– Нет, – отвечают артиллеристы.

– Английские? – спрашивают жители.

– Нет, – отвечают артиллеристы.

– Из Австралии, из Канады?

– Да нет же, – отвечают артиллеристы. – Наши, советские пушки.

Отличные пушки имела наша армия. И грозные, стрелявшие на много километров. И противотанковые, и зенитные. И наконец, знаменитые «катюши». Много оружия нужно армии. Много первоклассных танков и много пушек. Создали советские люди такое оружие.

Движутся войска, продвигается техника. А в небе эскадрилья за эскадрильей идут самолеты. Запрокинули немцы головы, смотрят на эту небесную мощь. Обращаются к советским солдатам:

– Американские?

– Что-что? – не поняли солдаты.

– Самолеты из Америки? – переспросили немцы.

– Нет, – рассмеялись солдаты.

– Из Англии?

– Нет, – отвечают солдаты.

– Из Австралии, из Канады?

– Да нет же, – отвечают солдаты.

– Из… из… – соображают немцы, какую бы еще назвать страну.

– Да нет же, – смеются солдаты. – Это наши, советские самолеты.

Отличной в годы войны стала советская авиация. Намного лучше она фашистской. Много заводов построили советские люди. Много новых машин придумали советские авиаконструкторы. Нет недостатка советским асам в первоклассной советской воздушной технике. Смотрят жители немецких городов на летящие самолеты, на пушки, на танки. Поражаются жители:

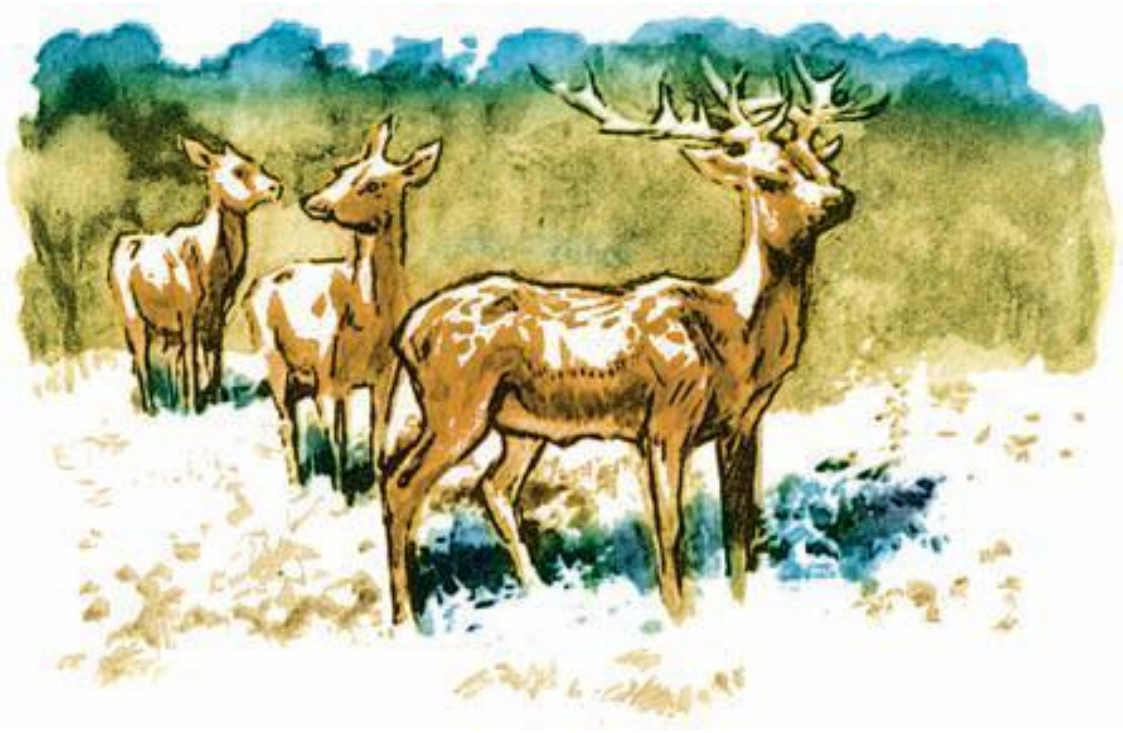
– Русские!

Поправляют солдаты:

– Наши, советские!

В Берлинской операции мы намного превосходили фашистов силой своего вооружения. Уступали, не могли фашисты тягаться с нами.

# Олени



Произошло это под городом Фюрстенвальде, недалеко от Берлина.

Места здесь красивые. Лес. Равнина. Лес слева. Лес справа. Широкое поле между ними.

Укрывшись на обочине леса, советские батареи вели огонь. Уходили снаряды в небо. Возвращались из леса эхом.

Вообще, здесь большие велись бои. У крайней пушки был старшим сержант Сорокин. Глянул Сорокин – что там такое? Вышло из леса оленье стадо. Вожак во главе. Богатырь. Красавец. Развесил рога, как ветви.

Остановились олени. Ясно: хотят перейти через поле. То ли к водопою их вел вожак, то ли спугнула война оленей. Застыли звери.

– Да ступайте! – кричит им Сорокин.

Стоят. Не решаются. Посмотрел командир орудия на солдат.

– Стой! – закричал заряжающему. – Отставить!

Прекратило огонь орудие.

Рядом с этой вторая стояла пушка. Слышат слева – не выстрелила пушка справа. Что такое? Видят – олени.

– Стой! – дал команду командир и этого орудия. – Отставить огонь!

Замолчало орудие.

Левее этой стояла третья пушка.

Видят артиллеристы на этой пушке: сосед не стрельнул. Что же такое? Повернулись. Видят: стоят олени.

Ясно солдатам, почему не стрельнула пушка. Здесь тоже дана команда. Замолчала и эта пушка.

Четыре орудия на батарее. Следом за третьей замолчала и четвертая пушка.

Прекратила огонь батарея. Смотрят солдаты на стадо. Стояло, стояло стадо. Тряхнул головой вожак. Двинулось стадо.

– Пошли! Пошли! – закричали солдаты.

Ступает стадо. Идет вожак. Голову держит, как царь в короне.

Левее первой батареи стояла вторая батарея. И на той батарее четыре орудия. Увидели на второй батарее, что на первой прекратили огонь, увидели и оленье стадо.

– Прекратить огонь! – прошла команда по батарее.

Замолчали орудия. Прекратила огонь батарея.

Левее второй батареи стояла третья. И на этой оленей видят. И тут команда: не стрелять!

Стихла канонада над лесом, над полем. Идут, как в строю, олени.

Стихла стрельба из орудий. Вдруг телефон затрещал на батареях. Звонили с командного пункта.

– Что там такое? Почему прекращен огонь?!

Отвечают:

– Стадо.

– Какое стадо?

– Олени.

– Что олени?

– Идут через поле.

– Олени? Да ну! Красавцы?

– Красавцы!

– Понятно, – ответил голос.

Пересекло поле оленье стадо. Скрылись в лесу олени.

# Разрешите доложить

Много армий шло на Берлин: 3-я гвардейская, 3-я Ударная, 5-я гвардейская, 5-я Ударная, 13-я армия, 33-я, 47-я. В составе трех фронтов, наступавших на Берлин, наступали 17 общевойсковых армий. А кроме этого, шли еще танковые армии, принимали участие в боях воздушные армии. Шли артиллерийские соединения, саперы, связисты, автомобильные части. Более миллиона советских солдат принимали участие в грандиозном наступлении на Берлин.

В числе других войск шла и 8-я гвардейская армия. 8-я гвардейская – это в прошлом 52-я. Та самая героическая, непобежденная, которая обороняла и отстояла Сталинград. Та самая, которой командовал прославленный сталинградский генерал Василий Иванович Чуйков.

Дальний путь прошагали солдаты 8-й гвардейской армии. После Сталинграда сражались они на Дону, освобождали Донбасс, изгоняли фашистов с Украины, освобождали Польшу.

Вот и снова идут солдаты. В последнем марше идут солдаты. Рядом совсем Берлин.

Шагают, идут солдаты. В последнем пути солдаты.

На одном из последних маршей догнал одну из стрелковых рот генерал Чуйков.

– Генерал… Генерал… Сам Чуйков! – зашептались солдаты.

Увидел Чуйкова ротный:

– Смирно!

Подтянулись солдаты, ударили в землю парадным шагом.

– Вольно! – сказал Чуйков.

– Вольно! – подал команду ротный.

Приказал генерал Чуйков остановить солдат. Остановились солдаты. Смотрит на них генерал:

– Ну что ж, дошагали, выходит.

– Дошагали!

– Рядом Берлин.

– Рядом! – дружно в ответ солдаты.

Смотрит генерал на солдат, на лица, на ордена. К одному, к другому:

– Сталинградец?

– Сталинградец!

– Сталинградец?

– Сталинградец!

Снова солдат понравился:

– Сталинградец?

– Так точно, товарищ командующий.

Посмотрел на орден. Опять на солдата. Признал солдата.

– Никак, орден тебе вручал?

– Так точно, товарищ командующий.

Похлопал Чуйков солдата по плечу, посмотрел на него внимательно. Гимнастерка. Пилотка. Ремень. Строен солдат. Подтянут.

– Хорош! – хвалит Чуйков. – Хорош! Гвардеец! Сталинградский орел!

Сказал про орла, глянул на ноги. На гвардейские ноги. Истрепались, исхлестались на дальних дорогах солдатские сапоги. Вот-вот – и совсем развалятся.

Вслед за генералом Чуйковым посмотрел и ротный на солдатские сапоги, посмотрел и взводный. Старшина из хозяйственной части глянул: да, не гвардейские сапоги.

Обратился генерал Чуйков к солдату с укором:

– Что же это у тебя, брат, сапоги такие? Дрянь сапоги!

Повернулся к офицерам, к старшине:

– Дрянь сапоги.

– Так точно, дрянь, – ответили офицеры.

– Так точно, дрянь, товарищ командующий, – ответил старшина.

Все повернулись, смотрят на солдата. Вытянулся солдат по команде «смирно». И вдруг:

– Никак нет, товарищ генерал.

– Что «никак нет»? Дрянь, говорю, сапоги.

– Никак нет. Отличные сапоги, товарищ командующий, – опять о своем солдат. Подтянулся, руки по швам: – Сталинградские.

– Так точно, товарищ генерал, – подтвердили ротный и взводный, – сталинградские.

– Не желает менять, – сказал старшина.

– Сталинградские?!

Улыбнулся Чуйков, улыбнулись другие солдаты.

– Ну что ж, шагай, молодец, – произнес Чуйков.

– Слушаюсь, – ответил солдат, хлопнул рукой по голенищам сапог, сказал: – Разрешите доложить: до Берлина хватит.

Тронулась рота в путь. Посмотрел генерал Чуйков вслед солдатам, на бодрый вид, на твердый шаг, произнес:

– До Берлина? Если надо, дальше нашей силы хватит.

# «Ах!»

Дюринсгоф – один из маленьких городков недалеко от Берлина. Не ожидают здесь русских, не верят в стремительный наш прорыв.

И вдруг, как снег на голову, оказались у городка советские танки. В короткой схватке разбили они зацепившихся здесь фашистов.

Проходят по городу танки. Отбросили танкисты бронированные люки, выглядывают, смотрят на улицы. В одной из машин лейтенант Андрей Мельник. Проходят танки по улицам вдоль домов. Читает Мельник вывески на зданиях и магазинах: «Аптека», «Хлеб», «Идеальное молоко». А вот и еще одна вывеска: «Телефонная станция».

Прочитал лейтенант, что-то в уме прикинул.

– Стой! – крикнул механику.

Притормозил танк, чтобы другим не мешать, отъехал в сторону.

Вышел из танка лейтенант Мельник, побежал к телефонной станции. Бежит, что-то озорное, видать, придумал. Уж больно лукаво глаза блестят.

Вошел Мельник в помещение станции. У аппаратов сидят две девушки-телефонистки. Увидели телефонистки советского офицера. Обе воскликнули:

– Ах! – и тут же упали в обморок.

– Не бойтесь! – кричит лейтенант. – Не бойтесь!

Подошел к одной, подошел ко второй, привел и одну и вторую в чувство. Открыли телефонистки глаза, смотрят искоса на советского лейтенанта.

Улыбнулся Мельник, говорит по-немецки (а надо сказать, что знал он немецкий язык отлично):

– Соедините меня, любезные медхен (то есть девушки) с Берлином.

Только сказал, как телефонистки снова:

– Ах! – и снова упали в обморок.

Пытается лейтенант Мельник опять привести их в чувство. Не получается. Не приходят телефонистки в себя. В глубоком лежат испуге. Подумал-подумал Мельник, решил сам вызывать Берлин. Попробовал – и сразу удача. Послышался в трубке голос:

– Слушает вас Берлин.

– Примите телефонограмму, – говорит Мельник.

– Готова к приему, – отвечает берлинская телефонистка.

Диктует Мельник:

– Коменданту Берлина генералу Вейдлингу. Записали? – спрашивает у телефонистки.

– Записала, – отвечает телефонистка.

– Ожидайте в Берлине. Скоро будем. Готовьте квартиры. Записали?

– Записала, – отвечает телефонистка.

– С гвардейским приветом, – продолжает диктовать лейтенант. – Телефонограмму передал командир взвода советских танков лейтенант Мельник.

Только произнес лейтенант эти слова, как в трубке:

– Ах!

И замолчала трубка.

– Алло! Алло!

Не отзывается трубка.

Ясно лейтенанту, что и в Берлине медхен тоже упала в обморок.

Сдвинул лейтенант на затылок танкистский шлем. Улыбнулся, побежал к выходу. Вернулся к своим.

– Что там? – обратились к нему с вопросом.

Улыбнулся танкист лукаво:

– Да так… Знакомой одной звонил.

# Смерть комиссара

Майор Петр Кузьмич Немченко был заместителем командира танкового батальона по политической части.

Любили танкисты своего комиссара. И танком владеть, управлять умел. И автоматом владел, и из пистолета стрелял отлично.

И орденов у замполита – хоть грудь ты ему расширяй. Кузьмичом называли солдаты его ласково. Только и слышится: «наш Кузьмич», «у нашего Кузьмича», обратись, мол, к «нашему Кузьмичу».

Во многих боях отличился танковый батальон, в котором был замполитом Немченко. В боях под Львовом, в боях на Висле.

В одном из боев батальон сражался против целой танковой дивизии фашистов. До последнего снаряда, до последней машины бились наши танкисты. В последней и был замполит Немченко.

Батальон принимал участие в освобождении города Львова. В числе первых ворвались советские танкисты в город. Первым среди этих первых был замполит майор Немченко.

Форсировали танкисты реку Вислу. Били враги. Не пускали наших. И все же прорвались советские танкисты. Вышел первый танк на тот берег. Смотрят танкисты: так это же танк майора Немченко!

Всюду в первых рядах комиссар.

Обращаются к нему солдаты:

– Так ты ведь заместитель не по боевой, а по политической части.

Смеется Немченко:

– Так политическая и есть самая боевая!

Приятно танкистам, что у них такой комиссар. «Наш Кузьмич», «к нашему Кузьмичу», «с нашим Кузьмичом» – только и слышишь среди танкистов.

Танковый батальон, в котором служил замполитом майор Немченко, сражался в составе гвардейской танковой армии, которой командовал генерал-полковник танковых войск Рыбалко. Эта армия входила в состав 1-го Украинского фронта. Это именно она, после того как войска маршала Конева прорвали фашистские укрепления на реке Нейсе, вместе с другими частями стремительно шла на Берлин.

Война есть война. О победах легко на бумаге пишется. Победы даются кровью.

Здесь, у порога Берлина, у самой нашей победы, и погиб замполит Немченко.

– Кузьмича убило!

– Кузьмича!

– Нашего Кузьмича! – неслось по танковому батальону.

Собрались танкисты у танков. Решили торжественно похоронить комиссара.

Стоят танкисты. Опустили головы. Вырыли могилу. Приготовились дать салют.

И вдруг:

– Отставить! Пусть с нами идет к Берлину.

– На броню комиссара!

– На броню комиссара! Пусть с нами в последний бой.

Положили танкисты на танковую броню комиссара, укрыли полотнищем алым. Тронулись танки. Пошли к Берлину.

– Путь комиссару!

– Путь комиссару!

В атаке, в бою комиссар.

# Штурмом осилят небо

С запада, с севера, с юга движутся войска к Берлину. На десятки километров вокруг полыхает гигантская битва. В центре Европы сошлись две силы. Кипит земля, как огонь, как лава, клокочет, как сталь в мартенах.

От разрывов снарядов, от мин, от «катюш», от бомб загорелись кругом леса. Полыхает земля пожаром. Во многих местах фашисты и сами леса подожгли. Как барьер, как стена, поднимается пламя. Дым застилает землю. Горным хребтом на пути встает.

Трудно в огне солдатам. И все же рвутся вперед солдаты. Наступают советские чудо-богатыри.

Места под Берлином ровные, низкие. Пересекли равнину ручьи и реки. Расчертили карту кругом каналы. Берега каналов и рек в железо, в бетон одеты. Стеной отвесной на два-три метра ушли к воде.

Возникли на пути у советских войск новой преградой каналы и реки. Пролегли нескончаемой западней.

Трудно солдатам. И все же рвутся вперед солдаты. Сокрушают они преграды. Штурмуют каналы, реки. Наступают советские чудо-богатыри.

На защиту Берлина бросили фашисты свои лучшие силы. В числе отборных фашистских войск личные дивизии Гитлера: «Викинг», «Бранденбург», «Богемия», «Мертвая голова».

В бой смертельный, в бой последний идут фашисты. За рядом погибших поднимается новый ряд.

– Все на защиту Берлина!

– Все на защиту Берлина!

В доты оделась земля под Берлином. В латах бетонных стоит Берлин.

Трудно солдатам. И все же рвутся вперед солдаты. Наступают советские чудо-богатыри. Нет для советских солдат невозможного, нет для солдат преграды. Если надо – море пешком перейдут.

Если надо – землю насквозь пройдут.

Если надо – штурмом осилят небо!

# В имперской канцелярии

В центре Берлина огромное мрачное здание. Целый квартал занимало здание. Это имперская канцелярия – ставка Адольфа Гитлера.

Сотни комнат находилось в имперской канцелярии, сотни окон, множество лестниц, коридоров, просторных залов. Но не здесь, не в этих комнатах, этих залах, а глубоко под ними, в мрачном и глухом подземелье, в 16 метрах от поверхности земли, вдали от света, от солнца находился фюрер фашистской Германии.

Много фашистов набилось сюда, в подземелье. Тут и ближайшие помощники Гитлера: Геринг, Геббельс, Гиммлер. Тут и личный адъютант генерал Бургдорф, и личные летчики, и личные врачи, и личная охрана Гитлера, и личный шофер, и личная повариха, и даже любимая собака фюрера – овчарка Блонди. Не одна – с четырьмя щенятами.

Охраняло убежище Гитлера 700 отборных солдат. Тройным кольцом часовых была опоясана имперская канцелярия.

Здесь, в подземелье у фюрера, идут бесчисленные заседания и совещания. Шепчется он с приближенными, ищет пути, как продержаться дольше, как затянуть войну. На чудо надеется Гитлер: вдруг не хватит у русских сил, вдруг вообще случится что-то негаданное.

Тяжелые вести приходят с фронтов. Гитлер приходит в бешенство. Страшен фюрер в такие минуты. Глаза вот-вот, кажется, вылезут из орбит, на руках надуваются вены. Бегает Гитлер по комнате. Пробежит, остановится. Пробежит, остановится. И кричит, и кричит, и кричит. Эти крики словно удар хлыста. Цепенеют от них приближенные. Вжимают шеи в тугие армейские воротники. Готовы, как снег, растаять.

Особенно грозен был Гитлер тогда, когда пришло сообщение, что советские войска прорвали фашистскую оборону у Зееловских высот на Нейсе и на Одере.

– Измена!.. – кричал Гитлер. – Трусы! Тупицы!.. – клял своих генералов.

– Расстрелять виновных! – Через минуту: – Нет, повесить! – Еще через минуту: – Нет, расстрелять, а затем повесить…

И снова:

– Предатели!.. Трусы!..

20 апреля 1945 года в подземелье отмечался день рождения фюрера. Нерадостен этот день – все ближе и ближе подходят к Берлину русские. Сидит фюрер в кресле. Размяк, раскис. Опустил голову, не шевельнется. Приходят приближенные, поздравляют Гитлера. Удаляются, словно тени. Крутятся возле Гитлера слуги и адъютанты. Чем отвлечь от недобрых дум, чем угодить – не знают.

Вдруг оттуда, сверху, послышались залпы. Один, второй, третий. Это советская артиллерия открыла огонь по Берлину. Все подняли головы вверх, застыли.

Встрепенулся Гитлер. Тоже голову поднял:

– Что там?

Не хватает ни у кого мужества сказать, в чем дело. Стоят, друг на друга искоса смотрят. А потом все вместе – на адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа. Не растерялся Бургдорф, вышел вперед:

– Салют, мой фюрер! В вашу честь, мой фюрер!

Оживился Гитлер. Встал. Подтянулся. Руку за борт пиджака засунул.

Снова небо взорвали залпы.

Война подошла к Берлину.

# «Мы в Берлине!»

21 апреля 1945 года советские войска штурмом ворвались в Берлин.

Родом они полтавские. Петр Кириенко и Стась Кириенко – отец и сын. Вместе ушли на войну из дома. В первые дни войны. Оказались вместе в части одной, в роте одной и во взводе. Вместе дороги и боли военные мерили. Вместе ходили в атаку, в разведку. Вместе мечтали о нашей победе.

– Быть нам, сынку, в Берлине. Быть нам в Берлине, – говорил Кириенко-отец.

А было это тогда, когда шагали солдаты от Берлина в обратную сторону. Тысячи верст до Берлина.

Под Сталинградом мечтали они о Берлине. Затем в боях под Курском. Затем – на Днепре.

Стась Кириенко молод, безус. Петр Кириенко солдат с заслугами. В Первой мировой войне воевал. В Гражданской войне воевал. Ранен. Контужен. Осколки снаряда в теле хранит как память.

Петр Кириенко и Стась Кириенко словно орел с орленком. Поучает солдатской премудрости молодого солдата бывалый.

– Быть нам, сынку, в Берлине. Быть!

Ранило как-то Стася осколком в грудь. Вынес отец Кириенко сына из самого пекла боя.

Контузило как-то Стася. Привалило землей в окопе. Руками разгреб Кириенко-отец обвал. Снова сына унес от смерти.

Шагают солдаты путями войны. Мужает Стась Кириенко в боях и походах. Был молодым птенцом, а нынче и сам летает.

Медали заслужили отец и сын. Вскоре к медалям пришли ордена. С орденами почет и слава.

Наступает наша армия. Отвоевали Кириенки и Дон, и Донбасс. Принесли свободу родной Полтавщине.

– Дойдем до Берлина! Быть нам в Берлине!

Перед бойцами широкий Днепр.

На Днепре при переправе совершилось непоправимое. Сразила фашистская пуля Петра Кириенко.

Помирает отец-солдат:

– Сынку, дойдем до Берлина. Сынку…

Дальше шел Кириенко Стась. Походом, боями прошел Украину, Польшу. И вот ворвались наши войска в Берлин.

Стоит солдат на берлинской улице. Смотрит на небо, на громады домов. Отвлекся солдат от боя. Неужели и вправду он в Берлине? Слышит отцовский голос:

«Сынку, дойдем до Берлина. Сынку…»

Вспоминает отца солдат. Шепчут солдатские губы:

– Батька, батька, ты слышишь меня? Я в Берлине. Я в Берлине… Мы в Берлине! – закричал солдат.

Лежит перед ним Берлин. Склонил перед ним колени.

Стоял недвижно минуту солдат. Затем встрепенулся. Подошел к стене соседнего дома. Штыком по известке вывел, словно печать поставил: «Кириенко Петр, Кириенко Стась, апрель, 1945 год».

# Каждая улица дышит смертью

Берлин – огромный город. 600 тысяч домов в Берлине. Каждая улица дышит смертью.

Возвели фашисты на улицах баррикады, завалы, заграждения. Минные поля прикрывают подходы к завалам. Пулеметы простреливают каждый клочок земли.

Каждый дом в Берлине стал настоящей крепостью. Каждая улица – полем боя.

На одной из берлинских улиц завал оказался особенно прочным. Из железа, из стали, из каменных плит возвели здесь завал фашисты. Штурмовала завал пехота. Не прорвались вперед стрелки. Лишь гибнут в атаках зазря солдаты. Подошли к завалу советские танки. Открыли огонь из пушек. Пытаются в завале пробить проход. Нет достаточной силы в снарядах, в танковых пушках. Стоит, как стена, завал. Преградил он дорогу пехоте, танкам. Застопорилось здесь продвижение.

Смотрят солдаты – пехотинцы, танкисты – на железо, на камни, на сталь:

– Подрывников бы сюда, саперов.

И вдруг словно бы кто-то подслушал солдатские речи. Видят солдаты: к завалу ползет сапер. Ползет, тащит взрывчатку, бикфордов шнур. Вот привстал. Переждал. Пригнулся. От дома к дому перебежал. Вот снова ползет по-пластунски.

Впились солдаты в него глазами. Каждый удачи ему желает. Подобрался взрывник к завалу. На одну из каменных плит поднялся. Лег на плиту. Кладет под плиту взрывчатку. Уложил. Шнур протянул бикфордов.

Следят за сапером солдаты. Что за чем последует, точно знают. Вот сейчас бикфордов шнур подожжет боец. Заспешит по шнуру огонек к взрывчатке. Быстро спрыгнет с плиты сапер. Отползет побыстрей от завала. Дойдет огонек до цели. Сотрясется завал от взрыва. Возникнет в завале брешь. Сквозь брешь и рванутся вперед солдаты.

Так и есть. Вот вынул спички боец из кармана. Вот высек огонь. Вот подносит огонь к шнуру. И вдруг… вскинул сапер руками. Упал на плиту и замер.

– Убит! – пронеслось.

Но нет. Шевельнулся солдат.

– Братцы, да он не убит! Он ранен!

Шевельнулся взрывник. Голову чуть приподнял. Посмотрел на плиту, на шнур. Что-то, видать, прикинул. Двинул рукой, потянулся к спичкам. Вот снова в руках у него коробок. Вот силится высечь огонь солдат. Чиркнул спичкой. Да силы мало. Не зажглась, не вспыхнула сера. Опустился вновь на плиту сапер.

Видят солдаты: плита краснеет. Теряет и силы боец, и кровь. Но нет, не сдается солдат. Снова он потянулся к спичкам. Снова в руках у него коробок. Чиркнул спичкой. Ура! Горит! Тянет спичку к шнуру, дотянулся. Побежал к взрывчатке дымок, закурился змейкой.

– Прыгай, прыгай! – солдаты кричат саперу.

Лежит на плите сапер.

И только тут понимают солдаты – нет сил у сапера спрыгнуть.

Лежит на плите герой.

Грянул взрыв многотонной силой. Взлетели в небо плита и камни. Открылся проём в завале. Устремились в него солдаты.

Вечная память отважным! Вечная слава храбрым!

# Случай с Павловцевым

Майор Павел Лаврович Павловцев для бойцов и офицеров всегда и во всем являлся примером. А тут…

Случилось это в день, когда маршал Жуков отдал приказ войскам 1-го Белорусского фронта начать решительный штурм Берлина.

И вот тут-то… Лежал Павловцев в госпитале. Ранен не сильно, но и не слабо. Ранен в голову, ранен в ногу. Может ходить, но с палочкой. Раны не затянулись. Каждый день нужны перевязки. Лежать бы ему и лежать. А он взял и сбежал из госпиталя.

Сбежал и тем самым подал пример другим. Поредел госпиталь. Не лежится раненым. Все хотят принять участие в решительном штурме Берлина.

Ну и досталось же тогда врачам от армейского начальства!

– Как допустили?! Куда смотрели?! – громыхало начальство.

– А что мы могли поделать, – разводят врачи руками. – Не поставишь же к каждой койке часового с винтовкой!

И верно ведь. Не поставишь!

– Кто начал? – не утихает начальство.

– Майор Павловцев.

– В каком состоянии?

– Ходить может, но с палочкой.

– Ну вот мы до него доберемся!

И действительно, добралось начальство до Павловцева. Вернее, случилось так, что сам Павловцев на глаза попался начальству. Произошло это почти у самой границы Берлина. Голова у Павловцева в бинтах, одна рука на перевязи, другая опирается на палочку. Приметен среди других.

– С выздоровлением, Павел Лаврович! – окликнуло Павловцева начальство.

Смутился Павловцев, почувствовал ехидство в тоне.

– Так-так, – говорит начальство и достает список тех, кто бежал из госпиталя. Первым в списке – Павел Павловцев.

Надо сказать, что Павел Лаврович Павловцев человек заслуженный, герой Гражданской войны. Да и в эту войну он не раз отличился. Отмечен не раз наградами.

Но все это не спасло Павловцева. Решили его за нарушение госпитального режима и дурной пример другим привлечь к строгой ответственности.

– Ну что ж, – сказал Павловцев, – если виноват, то готов принять любое наказание. Любое. Кроме одного…

– Какого же? – интересуется начальство.

– Не отправляйте назад в госпиталь.

– Так-так.

– Отправите – снова сбегу, – сказал Павловцев. – Могу заявить от имени всех раненых: лежать в такой момент невозможно. Откажут ноги – на руках в Берлин вползу. – И чуть тише: – Столько же лет ждали…

Посмотрело начальство на Павловцева. Понимает: отправишь в госпиталь – снова сбежит из госпиталя. Хоть на руках, да в Берлин вползет.

– Ладно, ступайте, – сказало начальство.

Махнуло оно на «случай» рукой.

Верно начальство сделало.

# Достучался

Был этот бой поразительным. Фашисты подбили советский танк. Застрял он на одной из берлинских улиц. Сбили у танка гусеницу. Рядом с кирпичным домом стоит калека.

Тем же взрывом были убиты командир орудия и командир боевой машины. Остался в живых лишь механик-водитель сержант Шашков. Закрылся в танке Шашков. Ведет по врагам огонь.

Атакуют его фашисты. Заходят слева, заходят справа.

– Сдавайся! – кричат фашисты.

Не сдается Шашков. Стреляет из пушки. Стреляет из пулемета. Но вот подожгли фашисты танк. Загорелась машина. Ясно – конец танкисту.

– Аллее! Аллее! (то есть «всё») – кричат фашисты.

Ясно любому – конечно, все. Отвоевался танкист. Отходил по белому свету.

Все сильнее, сильнее пламя. И вдруг бросился Шашков к рычагам. Включил не переднюю – заднюю скорость. Сзади был дом. Доползти до него танк мог и без гусеницы. Включил Шашков скорость. Тронулся танк. В стену ударил сталью. Не удержалась стена, обрушилась. Завалила танк кирпичами и штукатуркой. Завалила, прибила пламя.

Привален, придавлен танк. Однако конец пожару. На месте танка груда развалин. Только пушка торчит наружу, только пулеметное дуло видно сквозь камни.

Открыл танкист по фашистам опять огонь. То прозвучит пулеметная очередь. То из пушки снаряд сорвется.

Обозлились фашисты. Лезут на танк, несмотря на огонь, несмотря на потери.

Танк не оружейный склад, не сундук со снарядами. Пущен последний снаряд по фашистам. Последняя свистнула пуля.

Осмелели фашисты, совсем поравнялись с танком.

– Сдавайся! – кричат Шашкову.

Подошли совсем близко. Видят башенный люк.

– Сдавайся! Сдавайся!

Приподнялась крышка люка. Вот и конец солдату.

– Аллее! Аллее! – кричат фашисты.

Ясно любому – конечно, аллее. Отвоевался танкист. Отходил по свету.

– Сдавайся! Сдавайся!

Приподнялась крышка башенного люка. И вдруг полетела оттуда граната.

Отбежали фашисты. Кусается танк.

Однако не бесконечен запас гранат. Израсходовал их танкист. Вновь фашисты приблизились к танку. Подошли совсем близко. На камни, на танк залезли. Стучат по броне:

– Сдавайся! Аллее! Аллее!

Ясно любому – конечно, аллее. Отвоевался танкист. Отходил по свету.

Не открывается люк. Какой-то настырный фашист нашелся. Стоит рядом с люком, прикладом автомата по крышке бьет.

Дубасит.

Дубасит.

Дубасит.

Достучался фашист, представьте.

Приподнялась крышка над люком. Метнулась рука из танка, сразила ножом фашиста. И тут же опять захлопнулась крышка.

Продвигались наши. Вышли вскоре сюда на улицу. Освободили из плена советский танк.

Посмотрел на друзей Шашков.

– Вот теперь аллее.

# Майоры

Ворвались войска в Берлин. Пробивают дорогу к центру. А в это время другие части с севера, с юга обходят город. Окружают они Берлин. Наступают навстречу друг другу два фронта – 1-й Белорусский и 1-й Украинский. Рвутся солдаты к победной встрече. В первых колоннах идут танкисты.

Бывшие лейтенанты Петр Еремин и Василий Дудочкин, те, которые принимали участие в окружении фашистов под Сталинградом, давно уже не лейтенанты. Майоры они теперь.

Повзрослели. Закалились. В боях окрепли. Не узнать их теперь по виду. Оба гвардейцы. Оба в наградах. Словом – бойцы бывалые.

Всякое было за эти годы. Сводила судьба друзей. Разводила. На госпитальные койки друзей бросала. Снова ставила в строй. Снова к больничным порогам гнула. Смерть проходила рядом, рядом совсем дышала. Нелегок их ратный путь. То вместе они сражались. То снова по разным фронтам и армиям.

Вот и сейчас… Служил Еремин во 2-й гвардейской танковой армии на 1-м Белорусском фронте у маршала Жукова. Служил Дудочкин в 4-й гвардейской танковой армии на 1-м Украинском фронте у маршала Конева.

Мечтали друзья вместе войну закончить. А нынче – ищи ты солдата в поле.

Обходят войска Берлин. Пробивают дорогу танки.

С юга идет 4-я гвардейская танковая армия, с севера – 2-я гвардейская танковая. Все ближе, все ближе танки к заветной цели.

И вот 25 апреля в 12 часов дня сомкнулись войска за Берлином. Схвачен Берлин в мешок.

Бросились танкисты разных фронтов навстречу друг другу. Радость бушует в людях. Бежит вместе с другими Еремин. Бежит и Дудочкин. Бывают же в жизни порою встречи!

– Петя!

– Вася!

Метнулись оба. И жмут в объятиях один другого. До слез. До боли. Вот это встреча!

Сошлись в объятиях, расцеловались. Стоят и смотрят. А рядом двое. Совсем безусых. Два лейтенанта. Бегут друг к другу:

– Григорий!

– Паша!

– Как мы с тобою тогда, у Волги! – сказал Еремин.

И вдруг то поле под Сталинградом, тот снег пушистый, тот день великий встревожил память. Стоят майоры – и снег пушистый перед глазами.

Подбежали лейтенанты друг к другу, расцеловались:

– Григорий!

– Паттта!

Вдруг оба видят: стоят майоры. Стоят и смотрят. Смутились лейтенанты. Зарделись оба.

И отвернулись тогда майоры. Зачем смущать им лейтенантов. Понять ли в эту минуту юным, какие чувства в сердцах майоров.

А слева, справа сюда сходилось все больше силы, все больше стали.

Берлин отрезан. Фашизм в капкане.

# «Данке шён!»

На одной из берлинских улиц остановилась походная кухня. Только что откипели кругом бои. Еще не остыли от схваток камни. Потянулись к еде солдаты. Вкусна после боя солдатская каша. Едят в три щеки солдаты.

Хлопочет у кухни Юрченко. Сержант Юрченко – повар, хозяин кухни. Хвалят солдаты кашу. Добрые слова приятно сержанту слушать.

– Кому добавки? Кому добавки?

– Ну что ж – подбрось, – отозвался ефрейтор Зюзин.

Добавил Юрченко Зюзину каши. Снова у кухни возится.

Вдруг чудится Юрченко, словно бы кто-то в спину солдату смотрит. Повернулся – и в самом деле. Стоит в подворотне ближайшего дома с вершок, с ноготок мальчонка, на Зюзина, на кухню глазами голодными смотрит.

Сержант поманил мальчишку:

– Ну-ка ступай сюда.

Подошел тот к солдатской кухне.

– Ишь ты, неробкий, – бросил ефрейтор Зюзин.

Взял Юрченко миску, наполнил кашей. Дает малышу.

– Данке шён, – произнес малыш.

Схватил миску, умчался в подворотню.

Кто-то вдогонку бросил:

– Миску не слопай, смотри верни!

– Э-эх, наголодался, видать, – заметил Зюзин.

Прошло минут десять. Вернулся мальчишка. Тянет миску, а с ней и свою тарелку. Отдал миску, а сам на тарелку глазами косит.

– Что же тебе, добавки?

– Битте, фюр швестер, – сказал мальчишка.

– Для сестренки просит, – объяснил кто-то.

– Ну что же, тащи и сестренке, – ответил Юрченко.

Наполнил повар тарелку кашей.

– Данке шён, – произнес мальчишка. И снова исчез в подворотне.

Прошло минут десять. Снова малыш вернулся. Подошел он к походной кухне. Тянет тарелку:

– Битте, фюр муттер. (Просит для матери.)

Рассмеялись солдаты:

– Ишь ты какой проворный!

Получил и для матери мальчик каттти.

Мальчонка был первым.

Вскоре возле походной кухни уже группа ребят собралась. Стоят в отдалении, смотрят на миски, на кухню, на кашу.

Едят солдаты солдатскую кашу, видят голодных детей, каша не в кашу, в солдатские рты не лезет. Переглянулись солдаты. Зюзин на Юрченко, Юрченко на Зюзина.

– А ну подходи! – крикнул ребятам Юрченко.

Подбежали ребята к кухне.

– Не толпись, не толпись, – наводит порядок Зюзин.

Выдал ребятам миски. Построил в затылок один другому.

Получают ребята кашу:

– Данке шён!

– Данке шён!

Наголодались, видать, ребята. Едят в три щеки.

Вдруг в небе над этим местом взвыл самолет. Глянули вверх солдаты. Не наш самолет – фашистский.

– А ну по домам! А ну по домам! – погнал от кухни ребят ефрейтор Зюзин.

Не отходят ребята. Ведь рядом каша. Жаль расставаться с каттей.

– Марш! – закричал ефрейтор.

Пикирует самолет. Отделилась бомба. Летит.

Бросились дети в разные стороны. Лишь Зюзин один замешкался.

Ударила бомба – ни кухни, ни Зюзина. Лишь каша, словно живая, ползет по камням, по притихшей улице.

# Йозеф Клаус

Йозеф Клаус на фронте не был. Не убивал он русских. Не жег селений. Он мирный житель. Служил в тылу он. Ковал железо. Точил снаряды. Район Шпандау. Живет здесь Клаус. Спокоен Клаус. На фронте не был.

И фрау Клаус спокойна тоже. Йозеф Клаус на фронте не был. Не убивал он русских. Не жег селений. Он мирный житель. Служил в тылу он. Ковал железо. Точил снаряды. При чем здесь Клаус? Он мирный житель. Другие будут за все в ответе. И дети тоже совсем спокойны.

Йозеф Клаус на фронте не был. Не убивал он русских. Не жег селений. Он мирный житель. Служил в тылу он. Ковал железо. Точил снаряды. Он чист, как ангел.

Спокойны дети. Спокоен Клаус.

Кругом в Шпандау идет сраженье. Стреляют немцы. Стреляют наши. Вдруг грохот рядом. Снаряд со свистом в окно ворвался. Взрыв дернул стены. Осели стены.

Уцелела чудом каким-то фрау. Сохранились чудом каким-то дети. А Клаус рухнул. Лежит, а рядом лежит осколок. Взял в руки Клаус. На срезы глянул:

– Из нашей стали… Из нашей пушки.

Сказал и умер.

Йозеф Клаус на фронте не был. Он мирный житель. Ковал железо. Точил снаряды.

За что ж, скажите, конец столь дикий?

Рыдают дети. Рыдает фрау.

Берлин в апреле. Район Шпандау.

# «За Можай!»

Ворвались войска маршалов Жукова и Конева в Берлин. А в это время 2-й Белорусский фронт под командованием маршала Рокоссовского бьет врагов севернее фашистской столицы, отсекает их от Берлина, гонит на север, к Балтийскому морю.

Наступают войска Рокоссовского. Прошли города Анклам, Грейфсвальд, Штральзунд. Прижали фашистов к морю.

На севере Германии в Балтийском море находится остров Рюген. Рюген самый большой из всех немецких островов. Сорок километров с запада на восток, пятьдесят с юга на север. Переправились фашисты сюда, на Рюген. Решают: здесь мы удержим русских.

Не удержали.

Ворвались наши войска на Рюген. Снова гонят они фашистов. Пошли города и морские поселки: Гарц, Берген, Засниц, Имманц, Глове. Теснят все дальше врагов солдаты. Загнали на самый север.

На острове Рюген имеется мыс Аркона. Мыс Аркона – самая северная точка Германии. Конец здесь немецкой земле.

Загнали войска Рокоссовского фашистов к мысу Аркона, прижали к воде, опрокинули тех, кто не сдался, в море.

Довольны солдаты. Плещет перед ними Балтийское море. Вот и поход закончен.

Нашелся один. Сбросил пилотку. Вытер вспотевший от боя лоб. Окинул веселым взглядом друзей. Посмотрел на море:

– Ну, за Можай загнали!

«Загнать за Можай» – значит загнать далеко-далеко. Есть такая старинная русская поговорка. Вспомнил, выходит, солдат поговорку.

– За Можай! – повторил солдат.

– За Можай! – дружно поддержали его другие. И они поговорку, видать, припомнили.

Можай – это означает город Можайск. Концом света казался Можайск когда-то.

В любом деле всезнайка всегда найдется. Сыскался и здесь такой. Знал он, что поговорка с городом Можайском связана. Посмотрел на солдат и с ехидством:

– За Можай! Ну и сказали! Так Можайск под Москвой. Всего-то час с небольшим на машине ехать.

Смутились солдаты. Смутился и тот, кто первым произнес поговорку. Оказался солдат в растерянности.

– Сто километров всего от Москвы до Можайска, – лезет опять всезнайка.

Постоял солдат, подумал, посмотрел на других, на всезнайку.

– И все ж – за Можай загнали, – упрямо сказал солдат.

– За Можай! За Можай! – поддержали его другие.

О солдатском споре узнал Рокоссовский.

– За Можай! Нет никаких сомнений! За Можай! – подтвердил Рокоссовский.

Возможно, по форме и устарела сейчас поговорка, да мысль в ней предельно четкая. Словно вода в роднике поговорка: всё тут яснее ясного.

– За Можай! – повторил Рокоссовский.

# Мерещится

Приметил его Неверов. Да не приметить и трудно было. Бросался фашист в глаза. Скулы имел лошадиные. К тому же лычка на нем ефрейтора.

Приметил его Неверов еще в первом бою в Берлине. Потом потерял из виду. Думал, убит солдат. Однако когда битва втянулась совсем в Берлин и бились за каждый дом, за каждую улицу, снова Неверов его увидел.

«Ах, жив ты еще, выходит?» Стал он за ним следить. Не выпускает его из виду. Следил, следил. Однако бой есть бой. Отвлекся в бою Неверов. Утерял, как иглу, скуластого. Видно, убит, заключил солдат.

В это время в тылу у наших вдруг появилась фашистская группа. Неверов попал в отряд, который был брошен на отражение атаки фашистов с тыла. «Как они тут? Откуда? – гадают солдаты. – С неба, что ли, они упали?» Там, где оказался фашистский отряд, еще вчера завершились бои.

Вступили солдаты с фашистами в схватку. Бьется Неверов и вдруг решает – мерещится. Видит Неверов того ефрейтора. Присмотрелся. Конечно, он! Вот так военное диво! Как он, откуда здесь?

– Ну, не уйдешь теперь!

Окружили бойцы фашистов. Уже разбили совсем фашистов. Остался лишь этот, и с ним немногие. Теснят их советские воины. И вдруг, как в сказке, исчезли куда-то фашисты. То ли взлетели в воздух, то ли под землю рухнули.

Обыскали солдаты округу. Нет ни ефрейтора, ни тех, что с ним.

Вернулись бойцы к своим. Доложили: мол, уничтожен в тылу противник. Бьются солдаты на новом месте. Бьется Неверов. И вдруг снова ефрейтор ему мерещится.

– Тьфу! Тьфу! – сплюнул солдат. – Тьфу! Тьфу!

Присмотрелся. Конечно, он – вон лошадиные скулы.

Как он здесь? Что за сила в солдате такая? Может, двойник? А может, как птица, солдат летает?

Вцепился Неверов в фашиста глазами: «Узнаю я твой секрет». Сражается солдат, а сам не выпускает из виду фашиста. Когда отступали фашисты, бежали от дома к дому, Неверов шел по пятам за скуластым. Потом ефрейтор и вовсе один остался. Не отстает Неверов. Фашист за дом – и Неверов за дом. Фашист в подворотню – и Неверов за ним. Фашист в подвал – и Неверов в подвал. Словно веревкой, словно цепью к нему привязан. Спустился ефрейтор в какой-то люк. Переждал немного Неверов и тоже – в люк. Попал он в лабиринт подземных ходов и укрытий. Так вот в чем секрет, сообразил Неверов. Вот как фашисты переходят из одного места в другое. Вот почему то стоят они перед нами, то вдруг опять вырастают у нас в тылу.

Хотел Неверов догнать солдата. Однако исчез, растворился, как дым, ефрейтор.

Рассмеялся Неверов, махнул рукой:

– Ладно, живи, счастье твое – проворный!

Рад солдат, что подземный проход открыл. Доложил обо всем начальству.

Не только на улицах города идут бои за Берлин. По вертикали, в три яруса, в три этажа, развернулось кругом сражение. Бьются на улицах, в квартирах и на крышах домов, глубоко под землей – в подвалах, укрытиях и переходах. Всюду идут бои.

Все ближе к центру гремят бои.

# Белкин

Этот бой разыгрался на перекрестке берлинских улиц. На одном из углов здесь возвышался высокий семиэтажный дом. Ворвались наши солдаты в дом. Захватили первый этаж. Штурмуют теперь второй. Засели фашисты. Упорно, с остервенением отбиваются.

И все же победа была за нашими. Потеснили советские солдаты фашистов. Заняли наши второй этаж.

Отступили враги на третий. Пытаются наши на третий теперь пробиться. Увлеклись боем. А в это время к дому неожиданно вышел отряд фашистов и захватил первый этаж. Получилось: на третьем этаже фашисты, на втором – наши, на первом – опять фашисты.

Идет сражение за дом. Вскоре и к нашим явилась помощь. Новая рота ворвалась в дом. Оттеснили советские солдаты фашистов с первого этажа на второй, а наши – те, что были на втором, прорвались наконец на третий, оттеснили в свою очередь фашистов с третьего этажа на четвертый.

Вот и получилось: на четвертом этаже фашисты, на третьем – наши, на втором – снова фашисты, на первом – наши.

Кто-то сказал:

– Наполеон.

– Что – Наполеон? – не поняли другие.

– Пирожное наполеон, – уточнил первый.

Действительно, есть такое пирожное. Слоеное оно, то есть делается из разных слоев сладкого теста.

Смеются солдаты:

– Действительно, наполеон! Только горячее очень тесто.

Трудным бой оказался за этот дом. Впрочем, и за другие дома тоже бои не легче. Поднимались наши бойцы все выше и выше. Переходили с этажа на этаж. До самой крыши почти поднялись. И тут задержка. Видят фашисты: этаж последний. Дальше – крыша. За крышей небо. Бьются фашисты насмерть. Час штурмуют наши седьмой этаж. Не дается этаж упрямый.

Пошли разговоры: вызвать саперов, снести, взорвать, уничтожить дом. Пусть рухнет, придавит собой фашистов.

И вдруг – что такое?! Оттуда, сверху, с седьмого этажа на шестой, навстречу к нашим с автоматом в руке прорвался советский воин. Смотрят солдаты: так это ж Белкин! Старшина Белкин!

– Откуда ты, Белкин?!

– С неба! – смеется Белкин.

Устремились солдаты за Белкиным ввысь, на седьмой этаж.

Оказалось, взобрался Белкин по водосточной трубе на крышу. И ручной пулемет поднял. С крыши проник на чердак. С чердака на седьмой этаж. Поднял видом своим и огнем у фашистов панику. Пробил пулеметом дорогу к нашим. Ворвались наши бойцы на седьмой этаж.

Поражались после боя солдаты:

– По трубе – да на крышу!

– Ловко ты, Белкин!.. Ловко!

Смеются солдаты:

– На то и Белкин!

# Три автомата

Солдат Ковригин в стрелковом взводе годами старший. Зовут во взводе бойцы солдата: «отец», «папаша». А чаще: «батя».

Ему за сорок. И даже больше. Давно семейный. Давно женатый. Солдаты-дети есть у солдата.

Дивизия, в которой служил Ковригин, наступала на Берлин с севера. Пробились солдаты через Панков. Это берлинский пригород. Это большой район. Вышли на Фридрихштрассе – одну из центральных берлинских улиц. Особенно упорные здесь бои. Дрались за каждый дом. Поработала здесь артиллерия. Самолеты бомбили улицу. От многих домов остались лишь стены. И все же не сдаются фашисты. Огрызается каждый дом.

Ворвались солдаты в один из таких домов. Друзья устремились по лестнице кверху – оттуда велась стрельба. А Ковригин внизу остался. Задача – обследовать нижний этаж: нет ли внизу засады.

Прошел Ковригин из комнаты в комнату. Пройти нетрудно: стены во многих местах пробиты. Хотел возвращаться назад. Вдруг видит: в полу проём. Подвал сквозь проём чернеет. Глянул солдат в проём. Отпрянул. Застрочили оттуда пули. Бьют, как фонтан, как гейзер. Схватил Ковригин гранату. Опять к проёму. Только думал швырнуть гранату, да затихла в этот момент стрельба.

Поберег он гранату. Шагнул к проёму. Не ответил подвал огнем. Глянул Ковригин. Видит: в подвале сидят мальчишки. Трое. По автомату в руках у каждого. Смотрят, как из норы волчата. Прижались один к другому.

Знал о таких Ковригин. Не хватает солдат у фашистов. Призвали стариков и подростков в армию. Автоматы мальчишкам в руки:

– С вами Бог! На врага, молодая Германия!

Не смотрит война на возраст. Гибнут в боях ребята.

Трое таких и попались теперь Ковригину. Засели они в подвале. Ясно солдату: расстреляли юнцы патроны. Держит солдат гранату. Гибнут в боях подростки. Вот и этим пришел конец.

Хотел Ковригин бросить в подвал гранату. Глянул опять на мальчишек. Сидят они трое. Прижались один к другому. Безусые лица. Птенцы зеленые. Не поднялась у солдата рука. Не бросил гранату. Целы ребята.

– Марш по домам! Нах хаузе! – крикнул в подвал Ковригин.

В это время наверху началась сильная перестрелка. Побежал Ковригин к своим на помощь. Удачно прибыл. Помог гранатой.

Взяли вскоре солдаты дом.

Уже потом, когда выходили они на улицу, снова Ковригин свернул к подвалу. Шел осторожно. Автомат на всякий случай держал на взводе.

Поравнялся с проломом. Остановился. Глянул. Нет мальчишек. Тихо в подвале. Пусто. Присмотрелся. Что-то заметил. Что там такое? Видит: три автомата в углу лежат.

– Ковригин! Ковригин! – позвали бойцы солдата.

– Тут я!

Вернулся к своим Ковригин.

– Что там такое?

Смолчал, не сказал солдат, посмотрел на стены, на перекрытия:

– Эх и крепка домина!

Солдат Ковригин во взводе годами старший. Зовут во взводе бойцы солдата: «отец», «папаша». А чаще: «батя».

Ему за сорок. И даже больше. Давно семейный. Давно женатый. Солдаты-дети есть у солдата.

# Роковая встреча

Танкист Евдокимов растворился в воздухе. И он, и его машина. Ехал на танке. Все видели танк. Вдруг рядом с танком раздался взрыв снаряда. Поднял он землю – создал завесу. Опустилась земля… Глянули солдаты: там, где был танк, – пустое место.

Кто-то вскрикнул:

– У фашистов оружие новое!

Кто-то бросил:

– Может, не было вовсе танка?

Кто-то сказал:

– Надо пойти, проверить.

Подошли бойцы к тому месту, где на их глазах испарился советский танк. Глянули – все понятно…

Фашистский солдат Ганс Кугельмихель больше всего боялся советских танков. Был он вовсе не трус. Мин не боялся. Бомб не боялся. А танков боялся очень.

Странность имел Кугельмихель: при виде танков бросало солдата в икоту. Увидит, услышит – и сразу: «Ик!»

Попал однажды Ганс Кугельмихель – было это еще во время сражений южнее Курска – под страшную атаку советских танков. С той поры и родился «ик».

Во время боев в Берлине судьба солдата сложилась так, что был он послан на оборону берлинского метро. То есть спустился солдат под землю.

Скажешь одно: повезло солдату. Укрыла судьба от танков.

Хорошо Кугельмихелю здесь, в подземелье. До войны он как раз в берлинском метро работал. Знает все станции, все тоннели, пути, выходы, входы, все переходы. Незаменимым он здесь оказался. По тоннелям, по переходам метро перебрасывались в разные части города

фашистские подразделения. Сопровождал их Ганс Кугельмихель. Был своеобразным проводником.

Вот и в эту минуту вел Кугельмихель группу фашистских солдат. Идут они по путям в тоннеле. Отдается гулко солдатский шаг.

И вдруг – что такое? Почудился солдату звук мотора. И в ту же секунду…

– Ик! – вырвалось у Кугельмихеля.

Остановился солдат:

– Ик!

Прислушался:

– Ик!

Остановился солдат. Ясно он слышит звук мотора советского танка. Откуда здесь танк? Чепуха какая! Остановились и другие солдаты. Тоже услышали звук мотора. Решили: может, пустили по рельсам автодрезину. Дальше хотят идти. Смотрят на Кугельмихеля. Не может сдвинуться с места солдат. Одеревенел, остолбенел. Стоит, как к земле прибитый. Стоит и, как капли, роняет «ик».

– Да что ты? – кричат солдаты.

Стали Кугельмихеля ладонями бить по шее. Есть примета, что тогда «ик» закончится.

Не помогает. Пока возились солдаты с Кугельмихелем, все сильнее, сильнее раздавался моторный звук. Вот и вовсе сюда приблизился. Посмотрели солдаты – спасайся! – танк. Прямо на них по тоннелю махиной движется.

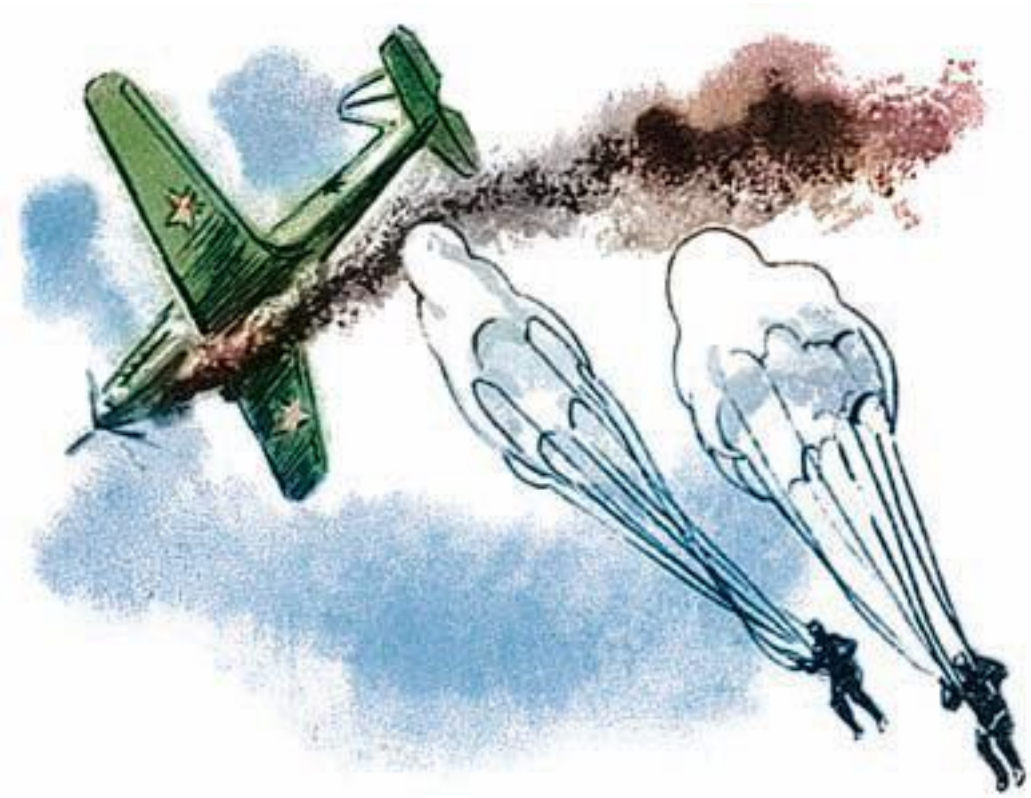
Побежали солдаты назад по тоннелю.

Что же случилось? Как танк – в тоннеле?

Дело в том, что метро в Берлине неглубокого залегания, то есть тоннели и станции находятся близко к земной поверхности. Порой во время боев в Берлине случалось так, что снаряды и бомбы пробивали насквозь перекрытия берлинского метрополитена. Именно один из таких взрывов и произошел перед танком старшего лейтенанта Евдокимова. Не растворился танк в воздухе, не был подбит новым фашистским оружием. Просто рухнул в проем в метро. Там, в метро, и продолжил танкист Евдокимов бой с фашистами.

Это с ним, со старшим лейтенантом Евдокимовым, и произошла у Ганса Кугельмихеля в метро роковая встреча.

# Плечом к плечу



Часть полковника Утихеева вела бой в центре Берлина на Гамбургер-аллее.

Дома здесь массивные, кладка прочная. Штурмовали солдаты одно из зданий. Уже несколько раз подымались они в атаку, но каждый раз открывали фашисты сильнейший огонь, и бойцы залегали снова. Во дворе здания, за высокой каменной стеной, за железобетонными глыбами, стояли у фашистов крупнокалиберные пулеметы. Стены и пулеметы преграждали дорогу нашим.

Попросили пехотинцы артиллеристов накрыть пулеметы. Направили пушки сюда огонь. Остались нетронутыми пулеметы. Не смогла их поразить артиллерия. Мешают высокие стены. Либо в них ударяют снаряды, либо перелетают и разрываются где-то дальше, не задевая огнем фашистов.

– Вот бы летчиков нам сюда, – кто-то сказал из советских бойцов.

Отложили солдаты на время атаку, передыхают. Вдруг видят: чуть в стороне, над соседним кварталом, появилось пять советских штурмовиков. Повисли они над каким-то зданием. Атакуют с воздуха здание. Залюбовались солдаты работой летчиков. Стали машины над домом вкруг. Вот приблизился к зданию первый, носом, словно утенок, клюнул, задержался, вошел в «пике». Бросил бомбы. Снова поднялся к небу. За первым второй – в «пике». Затем то же сделали третий, четвертый.

– Вот бы и нам таких, – снова сказал тот, кто о летчиках первым вспомнил.

Поддержали другие:

– Конечно, такие бы враз.

– Не стояли б у этих стен.

– Что им с воздуха – взял и плюнул.

И полковник Утихеев подумал о летчиках. Позвонил он куда-то в штаб. Пообещали ему авиаторов.

Продолжают солдаты следить за небом. Вот и пятый советский летчик зашел над домом. Вот-вот войдет в «пике».

И тут – что такое! – вспыхнул в воздухе самолет. Ясно: подбили его фашисты.

– Эх ты, родимый! – с болью выкрикнул кто-то.

Падает самолет. И вдруг видят солдаты – отделился от самолета человек. Следом за ним второй. И тут же открылись два парашюта.

Понимают бойцы, что это летчик и воздушный стрелок. Довольны солдаты:

– Не растерялись, огонь-ребята!

Наблюдают бойцы за летчиками. Видят: относит ветер летчиков, несет прямо сюда, к Гамбургер-аллее. Чем ниже летчики, тем яснее становится бойцам, что не сядут на нашей они территории. К грозному зданию несет их ветер, туда, к фашистам, во двор, за стены.

Вот оказались летчики прямо над головами наших. Вот понесло их туда, во двор.

Понимают пехотинцы: там, за стеной, смерть ожидает летчиков.

Смотрели солдаты, и вдруг чей-то алмазный голос:

– Братцы, вперед, в атаку!

Рванулись бойцы в атаку. Перемахнули забор и глыбы.

Минута – и на неприступном дворе солдаты. Вторая – и замолчали фашистские пулеметы. Вот и то место, где опустились советские летчики.

Бросились летчики к своим спасителям. Обнимают солдат, целуют:

– Спасибо, пехота! Помогли! Выручили!

Смотрят солдаты на летчиков, улыбаются:

– Это вам, небеса, спасибо! Вы нас в атаку подняли.

Поражались потом бойцы: откуда сила взялась такая? Как, каким чудом, за счет чего стену они осилили?

Каким чудом? За счет чего?

Солдатским братством называется это чудо.

Вскоре над упрямым зданием появились вызванные полковником Утихеевым советские штурмовики. Смотрят с воздуха авиаторы: взяли уже пехотинцы здание. Махнули крылом, развернулись, ушли помогать другим.

Дружно сражались войска в Берлине. Помогала пехота летчикам. Помогали пехоте летчики. Артиллеристы, танкисты, саперы, связисты общим шагом шагали в битве.

Стояли бойцы, как братья. Локоть к локтю. Плечом к плечу.

# Намечено и начертано

Жил Ганс Круммель на Луизенштрассе. Здесь – центр Берлина. Здесь – река Шпрее. Рейхстаг – за Шпрее.

Родился Круммель на этой штрассе. Здесь бегал в школу. Учил уроки. Купался в Шпрее. Ходил к рейхстагу. Отсюда, с Луизенштрассе, и ушел на войну в солдаты.

Ушел Ганс Круммель. Простился с домом. А перед этим был у гадалки. Держала долго солдата старая. Карты раскладывала так и этак. Что-то долго под нос шептала. К небу глаза закатывала. И вот заявила ему гадалка: мол, на редкость чудесно ложатся карты. Пусть идет солдат на восток спокойно. Минует Круммеля смерть в России. Выпал жребий ему удачный. Хоть и тронут солдата раны, однако вернется в Берлин здоровым.

Шагал от гадалки Круммель, сиял, как пятак латунный:

– Не ждет меня смерть в России. Снова Берлин увижу.

И вот ушел на войну солдат. Шел. Улыбался. Шутил. Смеялся. И верно – обходят солдата пули.

Был он в великой Московской битве. До Волоколамска дошел, до Истры, до станции Крюково. Еще шаг – и победу схватит. И вдруг – что такое?! Погнали их русские.

Побежал от Москвы Ганс Круммель. Думал, конец всему. Даже гадалку было дурными словами вспомнил.

Однако напрасно ругал он старую. Сохранила судьба солдата. Хотя и бока помяла. Ожил опять солдат. Дождался тепла и лета. Летом снова пошел в поход.

Шел. Улыбался. Шутил. Смеялся. Дошел до Дона. Дошел до Волги. До города Сталинграда. Лезет вперед, как дьявол. Вот-вот и победу схватит. И вдруг – что такое?! Ударили русские. Окружили фашистов. Взяли в тугие клещи.

Страшно был ранен солдат. «Вот он, конец», – подумал. Снова гадалку проклятием вспомнил. Много фашистов тогда погибло. Круммель, однако, чудом каким-то спасся. Вывезли самолетом его из «котла». Отходили солдата, пришел в себя. Словом добрым вспомнил теперь гадалку.

Отдышались, отлежались фашисты после сталинградского поражения. Наступило новое лето. Снова бросились в бой фашисты. Началась великая Курская битва.

– Наступают последние дни России! – кричали тогда фашисты.

Но снова фашисты здесь были биты. Снова был Круммель ранен. Да так, что еле сшили его, слатали.

Гнали наши с этой поры фашистов. Отходят фашисты. Отходит Круммель. Бьется, бьется. Смотрит – уже он в Минске. Бьется, бьется. Смотрит – уже он в Бресте. И вот – в Варшаве. И вот – на Одере.

Отходит, отходит Круммель. Смотрит – а он в Берлине. Бьется, бьется. Глянул – а он на Луизенштрассе. Глянул – а рядом родимый дом. Вот ведь судьба какая!

В это время раздался взрыв. Это разорвался советский снаряд. Рухнул Круммель на землю. Лежит на Луизенштрассе.

Закончилась жизнь солдата. Все точь-в-точь, как судьбою намечено. Все точь-в-точь, как советским мечом начертано.

# Бронзой поднялся в небо

Солдат не мечтал, не гадал, не думал. А вышла слава ему в века. На пьедестале к небу солдат поднялся.

Было это в последние дни войны. Уже не километры, а метры оставались до центра Берлина. Солдаты 8-й гвардейской армии готовились к последним боям. В числе их и солдат Николай Масалов. Был он знаменщиком 220-го гвардейского стрелкового полка. Приготовил к атаке знамя.

Ждут солдаты сигнала к бою. Перед ними – один из каналов, отходящих от Шпрее. Рядом – площадь. За площадью – мост. Называется он Горбатым. Мост заминирован, под огнем у противника. Атаку на мост, на тот берег скоро начнут солдаты.

Притихли солдаты. Так всегда перед штурмом. Где-то гремят орудия, где-то идет стрельба. Но это не здесь. Это в других местах. Здесь тишина. Временная, но тишина. И вдруг тишину – солдаты вздрогнули: было так неожиданно – плачем прорезал детский голос.

Было неясно, откуда он шел. С набережной? Со стороны площади? От моста? Из развалин неподалеку стоящего дома?

– Мутти! Мутти! (Мамочка!) – повторял голос.

– Девочка, – кто-то сказал из солдат.

Ищут солдаты глазами девочку. Где же она?

– Мутти! Мутти! – несется голос.

Определили теперь солдаты: детский плач шел от моста. Не видно ребенка. Камнями от наших, видать, прикрыт.

Вышел вперед сержант Масалов, подошел к командиру:

– Разрешите спасти ребенка.

Подождал командир минуту. О чем-то подумал:

– Разрешаю, сержант Масалов.

Прополз Масалов через площадь к мосту. И сразу же затрещали фашистские пулеметы, забили мины по площади.

Прижался солдат к асфальту, ползет от воронки к воронке, от камня к камню.

– Мутти! Мутти! – не утихает голос.

Вот полпути прополз Масалов. Вот две трети. Осталась треть.

Поднялся он в полный рост, метнулся к мосту, укрылся от пуль под гранитной стенкой.

Потеряли солдаты его из виду. И голос ребенка утих. И солдата не видно.

Прошла минута, вторая… пять. Волноваться солдаты стали. Неужели смельчак погиб? Неужели погибла девочка?

Ждут солдаты. С тревогой в сторону моста смотрят.

И вот увидели они Масалова. Шел от моста солдат. Нес на руках немецкую девочку.

– Жив! – закричали солдаты. – Жив!

Раздалась команда:

– Прикрыть Масалова огнем!

Открыли огонь солдаты. Гремят автоматы, строчат пулеметы. Ударили пушки – словно салют солдату.

Пришел Масалов к своим. Принес немецкую девочку.

Оказалось, убили фашисты у девочки мать. Перебегала она вместе с дочкой площадь и попала под взрыв, под пули.

Держит девочку Масалов. Прижалась она к солдату. Года три ей, не больше. Прижалась, всхлипывает.

Обступили бойцы Масалова. На девочку смотрят. Пытаются чем-то от слез отвлечь. На пальцах «козу» показывают:

– Идет, идет рогатая…

Посмотрела девочка на солдат. Казалось, хотела сильней заплакать. Да вдруг взяла и улыбнулась солдатам девочка.

Отгремела война. В Берлине, в одном из красивых старинных парков, советским солдатам, всем тем, кто спасал и наш и немецкий народ от фашистов, был установлен памятник.

Холм. На холме пьедестал гранитный. На граните фигура солдата. Стоит он с девочкой на руках.

Не думал солдат, не ведал. А вышло – бронзой поднялся в небо.

# Топор своего дорубится

Их дивизия пробивалась к рейхстагу. Рейхстаг – главное правительственное здание фашистской Германии.

Впервые слова про топор Степан Рудокоп услышал во время штурма Зееловских высот. Притормозилось чуть-чуть наше тогда наступление. Фашисты на высотах зарылись в землю, мы штурмовали, наступали с равнины, с открытого места.

– Скорей бы уж прорваться, – бросил кто-то из наших солдат.

Вот тут-то Степан Рудокоп услышал:

– Дай срок. Топор своего дорубится.

Повернулся Рудокоп на голос. Видит: солдат, артиллерист. Другие, что рядом с ним, – молодые. А этот старый. Точнее, пожилой уже был солдат. В морщинках лицо. С усами.

Запомнил Рудокоп слова про топор. Запали надежно в память.

И правда, вскоре прорвали наши фашистскую оборону на Зееловских высотах, прорубили дорогу себе к Берлину.

Потом уже, под самым Берлином, когда штурмовали Шпрее, когда лезли на бетонные стены берега и, казалось, вот-вот не осилят берег, солдат снова те же слова услышал:

– Топор своего дорубится.

Признал Рудокоп усача артиллериста. Как знакомому, даже махнул рукой.

И вот в третий раз снова услышал те же слова солдат.

Для обороны Берлина во время уличных боев в разных местах города фашистами были построены специальные укрепленные помещения – железобетонные бункеры. Это были своеобразные городские крепости. Высота их доходила до сорока метров. Толщина стен превышала два метра. В самых больших бункерах могло разместиться до тысячи фашистских солдат и до тридцати орудий. Всего по Берлину таких бункеров было четыреста. Наиболее крупные из них

находились в центре города, прикрывали имперскую канцелярию и знаменитый берлинский рейхстаг.

В штурме одного из таких бункеров, который как раз прикрывал выход к рейхстагу, и принимал участие Рудокоп.

Укрылись фашисты в бункере, как за семью замками.

Открыла огонь по бункеру полковая артиллерия. Не страшна она бункеру. Снаряды как горох от стены отскакивают.

Подошла тяжелая артиллерия. Дали орудия первые выстрелы. Бункер стоит, не дрогнул.

– Да, ничего орешек. Дудки его раскусишь, – кто-то сказал.

Сразу ответ последовал:

– Дай срок, топор своего дорубится.

Повернулся Рудокоп на голос. Снова, значит, усач повстречался. Хотел, как знакомому, снова махнуть рукой. Смотрит, а это совсем не тот, другой говорил солдат. И годами моложе. И брит под корень.

Обратился Степан Рудокоп к бойцу:

– Откуда слова такие?

– Так дядя один сказал.

– А где же дядя?

– Не стало дяди.

– Убит?

– Убит, – произнес солдат.

Снял Рудокоп с головы пилотку. Склонил голову в память бойца погибшего. Хоть и видел мельком человека, да жалко ему усача солдата. Зацепила солдата память.

Добили наши бетонный бункер. Сдались фашисты в плен.

Снова шагнули вперед солдаты. Перед ними открылась площадь.

Там, над Шпрее, стоял рейхстаг.

Смотрят бойцы на рейхстаг.

– Тоже не сладость, – кто-то сказал Рудокопу. – Тоже не враз осилим.

Посмотрел на бойца, на рейхстаг Рудокоп:

– Топор своего дорубится.

# Центральное направление

Рядовой Михаил Панкратов только-только был призван в армию. Провожали его родители.

– Не опозорь наш солдатский род, – сказал отец, Павел Филиппович.

– Пусть храбрость в бою не покинет тебя, – сказала мать, Прасковья Никитична.

Излишни родительские наставления. Горд за судьбу молодой солдат. Рвется скорее сразиться с фашистами.

Бежит эшелон на запад. Гудит паровоз на подъемах. Колеса стучат на стыках. Лежит солдат на вагонных нарах, о делах боевых мечтает. Вот гонит, вот гонит, вот бьет он врага, разит огневым автоматом. Вот смело идет в разведку, тащит назад «языка». Вот первым бросается в наступление, врывается первым в неприятельский город-крепость, гвардейское знамя вздымает к небу.

Мечтает солдат о подвигах. Скосит глаза на грудь – грудь в боевых наградах.

Торопит судьбу солдат.

– Быстрее, быстрее!.. – кричит паровозу. – Быстрее, быстрее!.. – кричит вагонам.

Несутся один за одним километры. Пробегают мимо поля, леса, города и села.

«Вот бы попасть под Берлин, на Центральное направление», – лелеет мечту солдат.

Улыбнулась судьба солдату: попал на Центральное направление, в армию, шедшую на Берлин.

Рад безумно Панкратов такой удаче. Срочно пишет письмо родителям. Пишет не прямо, время военное – прямо писать нельзя, – пишет намеком, однако понять нетрудно, что на Центральном солдат направлении. «Ждите вестей из Берлина», – кончает письмо Панкратов.

Отправил письмо. Опять о делах боевых мечтает. Вот вступает солдат в Берлин. Вот с победой дома его ждут.

Дождался Панкратов великого дня. Рванулись войска в наступление.

Но что такое?! Ушли войска. Однако задержалась рота Панкратова.

Панкратов и другие бойцы к старшине:

– Что же такое, Кузьма Васильевич?

– Тихо, тихо, – сказал старшина. Голос понизил, ладошку поднес к губам: – Особое будет для нас задание.

И верно. Прошел день, посадили бойцов на машины. Глотнули бензин моторы, покатили вперед машины.

Сидят в кузовах солдаты. Довольны судьбой солдаты. Честь им оказана – особое им задание.

Намотали колеса версты, подкатили машины к огромному полю. Сиротливо, безлюдно поле, изрыто воронками, истерзано ранами.

– Слезай! – прозвучала команда.

Спустились с машин солдаты. Построил бойцов командир.

– Товарищи… – кивнул рукой на поле.

«Что бы такое? – гадают солдаты. – Может, секретный объект на поле? Может, завод или штаб подземный? Может, Гитлер здесь сам укрылся?»

– Товарищи бойцы, – повторил командир, – мы получили почетное задание – вспахать и засеять поле.

Все так и ахнули.

– Вот так почетное! Вот так задание!

Однако приказ есть приказ. За работу взялись солдаты. Но не утихает солдатский гул.

И Панкратов со всеми ропщет:

– Вот так попал на Центральное направление! Что же домой я теперь напишу? Что же сообщу родителям?

В эту минуту и оказался рядом с Панкратовым старшина. Посмотрел старшина на молодого солдата. Сказал, не сдержавшись, грубо:

– Молод, оттого и дурак! Не там, – показал на запад, туда, где догорали бои за Берлин, – а тут, – указал на поле, – и есть Центральное направление. Не для смерти и боя родились люди. Жизнью и миром велик человек!

Притих, умолк Панкратов. Притихли другие солдаты.

Вонзились плуги в весеннюю землю. Радость жизни навстречу брызнула.

# Золу развеял… рассеял гарь

30 апреля. После полудня. Бои идут рядом с имперской канцелярией.

Личный шофер Гитлера Кемпке получил приказ раздобыть 200 литров бензина. Принялся Кемпке искать горючее. Нелегкое это дело. Уже несколько дней, как перерезаны все дороги, ведущие к имперской канцелярии. Не подвозят сюда горючее. Носится Кемпке, выполняет приказ. Сливает бензин из разбитых машин, из пустых баков по капле цедит. Кое-как набрал 100 литров. Доложил.

– Мало, – сказали Кемпке.

Снова носится Кемпке. Снова по каплям цедит. «Зачем же бензин? – гадает. – Бежать? Так ведь поздно. Перерезаны все пути. Если проедем, так сто – двести от силы метров. Зачем бензин? Конечно, бежать! Удачлив фюрер. А вдруг прорвемся?!»

Обшарил Кемпке все, что мог, даже, рискуя жизнью, на соседние улицы бегал. Набрал еще 80 литров. Нет больше бензина нигде ни грамма – хоть кричи, хоть умри, хоть лопни!

Доложил Кемпке:

– Сто восемьдесят литров, и больше нигде ни грамма.

Во дворе имперской канцелярии находился сад. Приказали Кемпке в сад притащить горючее. Снес он сюда канистры. Стоит и опять гадает: «Зачем же в саду бензин?»

А в это время там внизу, в подземелье, у двери, ведущей в комнату Гитлера, стоят в молчании приближенные фюрера. Прильнули к закрытой двери. Ловят малейший звук.

Томительно длится время.

Сегодня утром Гитлер объявил свою волю: он уходит из жизни.

– Немецкий народ не достоин меня! – кричал на прощание фюрер. – Трусы! Падаль! Глупцы! Предатели!

И вот сидит на диване Гитлер. Держит в руке пилюлю с отравой. Напротив уселась овчарка Блонди. Преданно смотрит в глаза хозяину.

Ясно Гитлеру: все кончено. Медлить нельзя. Иначе завтра плен, и тогда… Страшно о плене ему подумать. Страшится людского гнева.

Поманил фюрер Блонди. Сунул пилюлю. Глотнула Блонди. И тут же – смерть. Позвал щенят. Потянулись глупцы доверчиво. Дал им отраву. Глотнули щенята. И тут же – смерть.

Томятся за дверью приближенные. Переминаются с ноги на ногу. Ждут роковой минуты.

Камердинер Гитлера Линге посмотрел на часы. Половина четвертого. Тихо, замерло все за дверью. Открыли дверь приближенные. Фюрера нет в живых. Мертвы и щенки, и фюрер, и Блонди.

Тело Гитлера завернули в ковер. Тайным ходом вынесли в сад. Положили у края большой воронки. Облили бензином. Вспыхнуло пламя. Дыхнуло гарью. Пробушевал над ковром огонь. Горстка золы осталась. Дунул ветер. Золу развеял. Очистил воздух. Рассеял гарь.

А в это время, преодолевая последние метры берлинской земли, советские воины поднимались в последний бой. Начался штурм рейхстага.

# Последние метры война считает

Начался штурм рейхстага. Вместе со всеми в атаке Герасим Лыков.

Не снилось такое солдату. Он в Берлине. Он у рейхстага. Смотрит солдат на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны… Стеклянный купол венчает верх.

С боем прорвались сюда солдаты. В последних атаках, в последних боях солдаты. Последние метры война считает.

В сорочке родился Герасим Лыков. С 41-го он воюет. Знал отступления, знал окружение, три года идет вперед. Хранила судьба солдата.

– Я везучий, – шутил солдат. – В этой войне для меня не отлита пуля. Снаряд для меня не выточен.

И верно, не тронут судьбой солдат.

Ждут солдата в далеком краю российском жена и родители. Дети солдата ждут.

Ждут победителя. Ждут!

В атаке, в порыве лихом солдат. Последние метры война считает. Не скрывает радость свою солдат. Смотрит солдат на рейхстаг, на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны… Стеклянный купол венчает верх.

Последний раскат войны.

– Вперед! Ура! – кричит командир.

– Ура-а-а! – повторяет Лыков.

И вдруг рядом с солдатом снаряд ударил. Громом ухнул огромный взрыв. Поднял он землю девятым валом. Упала земля на землю. Сбила она солдата. Засыпан землей солдат, словно и вовсе на свете не был.

Кто видел, лишь ахнул:

– Был человек – и нет!..

– Вот так пуля ему не отлита.

– Вот так снаряд не выточен.

Знают все в роте Лыкова – отличный товарищ, солдат примерный. Жить бы ему да жить. Вернуться бы к жене, к родителям. Детей радостно расцеловать. Да только чудес на земле не бывает: раз погребенный не оживает. Пусть земля ему будет пухом.

И вдруг снова снаряд ударил. Рядом с тем местом, что первый. Немногим совсем в стороне. Рванул и этот огромной силой. Поднял он землю девятым валом.

Смотрят солдаты – глазам не верят. Поднял взрыв землю, а с ней и Лыкова. Поднял, подбросил, даже поставил на ноги.

Жив оказался солдат. Засыпал, отсыпал его снаряд. Вот ведь судьба бывает! Знать, и вправду пуля ему не отлита. Снаряд для него не выточен.

Снова Лыков в атаке, в лихом порыве. Все ближе и ближе колонны рейхстага. Купол в небе стеклом сверкает. Последние метры война считает.

# Победа

– Сержант Егоров!

– Я сержант Егоров!

– Младший сержант Кантария!

– Я младший сержант Кантария!

Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверялось почетное задание. Им вручили боевое знамя. Это знамя нужно было установить на здании рейхстага.

Бойцы взяли под козырек и ушли. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте.

У рейхстага идет бой.

Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят за каждым их шагом. Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам приходится залечь в укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку, и Егоров и Кантария бегут дальше.

Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, подпирающим вход в здание. Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в рейхстаг.

– Ох, выше бы! – вырывается вздох у наблюдающих бойцов.

И, как бы услышав просьбу товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в рейхстаг и исчезают за его дверьми.

Бой уже идет на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется красное знамя. Появилось. Качнулось. И вновь исчезло.

Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?!

Проходит минута, две… десять. Тревога все больше и больше охватывает солдат. Проходит еще тридцать минут, но ни Егорова, ни Кантария, ни знамени больше не видно.

И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Знамя цело. Друзья живы. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания – по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам.

Потом вдруг бросаются к застекленному куполу, который поднимается над крышей рейхстага, и осторожно начинают карабкаться еще выше.

– Правильно, туда его – к самому небу! – кричат солдаты.

– Выше, братишки, выше!

На площади и в здании еще шли бои, а на крыше рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побежденным Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы. Два советских воина, русский рабочий Михаил Егоров и грузинский юноша Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь метель и непогоду войны принесли его сюда, в самое фашистское логово, и установили на страх врагам как символ непобедимости советского оружия.

Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побежденными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой.

Вскоре в Москве на Красной площади состоялся грандиозный Парад Победы. Сводные полки, приехавшие с фронтов, проходили мимо Мавзолея. Руководители страны на Мавзолее. Масса гостей на площади.

Проходят полки. Чеканят солдаты шаг. И в каждом шаге звучит как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

Идут солдаты. А вот и особая вышла рота. Зашевелилась, задвигалась площадь:

– Что там несут солдаты?

Солдаты несли знамена поверженной фашистской Германии. Вот поравнялись бойцы с Мавзолеем. Вот повернулись резко. Шагнули вперед. Замерло все на площади. Полетели на землю знамена. К ногам стоящих, к подножию Мавзолея.

И снова идут полки. И снова в солдатском шаге, как крик, как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

А вечером был салют.

Ликовали земля и люди. Гремели, гремели, гремели залпы. То радость огнями взлетала в небо.

Победа!

Победа!

Победа!